

A man with a beard and a Santa hat is in the background, holding a cigar. In the foreground, a woman with a large tattoo on her shoulder is looking at the camera. The background is dark with colorful bokeh lights.

АЙРИН ЛАКС

Торжественный
ДЕКАБРЬ

Айрин Лакс

Горячий Декабрь

Серия «Горячие и опасные», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70387066*

Аннотация

– Хороший левак укрепляет брак! – заявляет муж, натягивая трусы.

– Ты... Ты мне изменяешь?!

Вижу, как из нашей спальни бочком протискивается одна из моих подруг, пряча взгляд, с одеждой в руках.

– А ты что думала, Манюня? Сама виновата! – продолжает любимый. – Работа-дом-газета-сон. Скучная ты стала, пресная... А я мужик горячий и хочу разнообразия. Прими этот урок в наказание и исправляйся, иначе будет тебе развод и девичья фамилия.

Скучная?

Горячего ему мало?!

Уйти прямо сейчас, наматывая сопли на кулак, или... отомстить?

Нет! Лучше влюблю его в себя заново!

Влюблю до беспамятства, а потом... уйду. Пусть сам за мной бегаёт.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	53
Глава 6	67
Глава 7	79
Глава 8	94
Глава 9	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Айрин Лакс

Горячий Декабрь

Глава 1

Мартина

– Скорее, скорее... Трахни! Вставь мне! – громко просит женский голос.

Святые яйца...

Услышав эти звуки, доносящиеся из супружеской спальни, я застываю на пороге квартиры, а пакеты, нагруженные едой, так и валяются из рук.

На пол.

Хрясь...

Вот и два десятка отборных домашних яичек превратились в битые скорлупки, желток вытек.

– Прогнись. Булки раздвинь! – командует мой муж, Георгий.

Говорит с аппетитом, которого я не слышала в его голосе уже давным-давно!

У меня начинают дрожать колени и подмокать трусы, но я приказываю себе не пускать слюни на харизматичный голос

любимого мужа, ведь приказывает он не мне, а другой женщине.

Может быть, показалось?!

– Смазки побольше... – попискивает женский голос.

– Бля... Кончилась! Аппетитная жопка у тебя, Людмила... На такую смазки не напасешься. Давай я на кухню сгоняю, возьму какое-нибудь масло. Моя... накупила хуеты всякой, масло для лица, масло для волос, для того, масло для сего. Полхолодильника заставила склянками!

– Еще бы пользовалась! – мерзко хихикает женщина, голос которой начинает казаться мне знакомым.

Нет! Нет... Не может быть.

Что, измена по классике? Муж и лучшая подруга? Не верю...

– Ты права, Людка. Пользовалась бы еще, а так только бабки просерила и результата ноль. Но ничего, мы сейчас это маслице с тобой с большей пользой и удовольствием используем, да?

Звучит сочный шлепок.

– Скорее, Жора. Сил терпеть нет. Горю...

Слышатся уверенные шаги моего мужа вразвалочку.

Я иду ему навстречу. Едва живая...

Боже, лишь бы не сдохнуть на полпути!

Так хочется посмотреть мужу в глаза и в глаза подруге.

Людка, как так могла! Сучка ты... Крашенная! И ведь я не совру – она всю жизнь красится, экспериментирует с цве-

том волос!

Жора... Жора... Она его еще Жорой называет!

Знаю, муж терпеть не может, когда его Жорой называют, мне так точно в начале пару раз прилетело несколько крепких замечаний!

А ей... Значит... Можно?! Все-все можно?!

Дверь спальни распахивается. Мы сталкиваемся.

– Гоша... – шепчу я. – Как же так?!

Хотела бы я, чтобы он отшатнулся!

Но нет же...

Этот бык откормленный ничуть не шелохнулся, только потянулся за дверь и взял трусы.

Я не смогла перевести взгляд вниз, чтобы оценить, насколько сильно и крепко у него стоит член.

Наверное, там просто аншлаг на Людкин круглый аппетитный зад! Не то что мой – тощий, как у девочки-подростка...

– Манюнь? Ты, что ли!

Муж перекатывает сигару из одного угла рта в другой.

«Еще и курить снова начал», – думаю возмущенно.

Мы же договорились, что он ради рождения второго ребенка курить бросит. И он обещал, клялся, что бросает!

Вот, значит, как он бросает...

Ничего не бросает. Только подбирает... Все самое нехорошее – пить, курить и гулящих женщин!

– А ты чего дома? Разве у тебя там на работе не должен

быть завал, аврал? Словом, полный анал! – говорит невозмутимо.

Этого у моего мужа, Декабрина Георгия, не отнять. Он всегда такой – невозмутимый. В любой ситуации.

Я по пальцам руки могу пересчитать случаи, когда видела его тронутым, до самого сердца, полным эмоций. Броня невозмутимости слетала лишь несколько раз, и всегда – из-за меня, из-за чего-то, связанного со мной: когда предлагал мне выйти за него замуж и клялся, что завязал с криминалом, когда я наконец-то смогла забеременеть после множества неудачных попыток, когда родился наш сын – Мирон.

Наверное, стоит забыть, что Декабрин Георгий может быть другим.

Забыть и точка.

Сейчас передо мной стоит грубиян, мужлан, мудака и сволота в квадрате – именно такой, каким я его встретила впервые.

И, как тогда, ему просто насрать, что и как глубоко меня может задеть. По моему лицу слезы градом, а он прикуривает сигару и расправляет скрученные трусы.

– Хуйня, никак не расправить! – цыкает муж. – Че-то ты дерьмово шмот наглаживаешь...

Я забираю у него трусы, расправляю ткань, протягиваю супругу. Он поблагодарил меня кивком ленивым и снова спрашивает:

– Насчет работы соврала, что ли?

– Всего лишь сюрприз сделать хотела, – говорю хрипло. – Ужин приготовить.

– Борщей наварить хотела?

В последнее время мы с Георгием мало проводили время вместе. Я хотела кое-что исправить. Сегодня я хотела приготовить ужин для двоих. Договорилась, чтобы мама взяла к себе Мирошу с ночевкой.

Ужин для двоих, любимые блюда мужа – на столе, красивое эротичное белье – на мне.

Вот они, планы...

Коту под обоссанный хвост.

– Тошнит меня уже от твоих борщей!

– Позволь спросить. Ты в спальне не один? Я женский голос слышала.

– Не думала же ты, что я порнушку точу и надрачиваю тихонько? – фыркает муж.

– То есть там женщина. И вы... Вы сексом занимались! Гоша, любимый, как же так? Никогда не думала, что ты пойдешь налево! – вытираю слезы.

– Хороший левак укрепляет брак! – заявляет муж, натягивая трусы.

– Ты... Ты мне изменяешь?!

После моего вопроса дверь спальни снова распаивается, и из нее тенью выскальзывает женская фигура. Я вижу, как из нашей спальни бочком протискивается одна из моих подруг, пряча взгляд. Она в одном белье, с одеждой в руках.

Люда покраснела до самых ушей. Краской залило не только лицо, но еще и шею, и грудь.

Стыдно? Нет! Не думаю. Скорее, это от сильного желания!

Даже не смотрит в мою сторону, гадина!

У меня в ушах звенят его похабные приказы и ее смешки в ответ. Они меня обсуждали.

Интересно, долго они трахаются у меня под носом?

Всегда ли в процессе секса меня обсуждают? Хихикают, душой считают... Может быть, это их возбуждает? Делает секс острее?!

– Люда, ничего мне сказать не хочешь? – спрашиваю я.

Подруга в коридоре торопливо надевает платье, напялив наизнанку, хватая туфли в руки и выбегает босиком, перепрыгнув через брошенные мной пакеты.

Георгий бросает ей вслед:

– Людк, созвонимся!

В ответ моя подруга пищит что-то неразборчиво и громко хлопает дверью.

Я еще раз вытираю слезы со щек и смотрю на мужа с возмущением:

– «Людк, созвонимся?!» – спрашиваю. – Ты серьезно?

– А че такого? – пожимает широченными плечами.

Георгий берет нож для сигар, откусывает им кончик, поджигает и раскуривает неторопливо. В воздухе коридора начинается тянуть ароматным дымом. Декабрин всегда мог рас-

сказать о сигарах по их аромату – хороший ли табак, просушены достаточно или пересушены... А я ничего этого не понимала. Для меня – курево и курево, которое я терпела только потому, что любила его. ЛЮБИЛА!

Но теперь... Теперь я даже не знаю. Нет, я все еще его люблю, но больше терпеть его выходки не намерена.

Я сердито размахиваю ладошкой, отгоняя дым.

– Ты совсем обалдел?! Потуши немедленно! Или на балкон иди курить!

– Курить только на балконе. Курить только на улице. С тобой, даже если пообещеешь, и сигаретку не прикуришь. Больно ты правильная стала. Шаг влево, шаг вправо – расстрел.

– Шаг влево – расстрел? – смеюсь горько. – Судя по всему, ты налево ого-го как бегаешь, и ничего, еще жив. А вот это я не потерплю!

Разозлившись, я привстаю на цыпочки и выдергиваю из губ мужа сигару, сердито топаю на кухню, чтобы погасить ее под струей холодной воды.

– Такую сигару испортила! – вздыхает. – Другую возьму.

Он поворачивается ко мне широкой спиной и неторопливо, с чувством превосходства направляется к припрятанной коробке с сигарами. Как только коробка появляется у мужа в руках, я мгновенно выдираю ее, словно коршун, и бросаю туда же.

В мойку. Под мощную струю воды.

– Ахереть! – хватается за голову муж. – Ты что натворила,

дурная?! Ты хоть знаешь, сколько ты бабла сейчас прохерила? ЗНАЕШЬ?!

Муж двигается на меня, испепеляя взглядом.

Я начинаю чувствовать себя кнопкой крохотной, по сравнению с громадной скалой.

– Курить в доме не позволю! – кричу в ответ, сжав кулачки. – У нас ребенок первоклашка, а еще я прохожу курс очищения перед планируемым зачатием. Ты же знаешь, что врач советовал. Тебе тоже надо бросить курить. Ты обещал бросить, а что в итоге?! Куришь, как паровоз... Изменяешь мне! Изменяешь же! Я своими глазами видела и слышала, о чем вы говорили.

– А ты что думала, Манюня? Сама виновата! – продолжает любимый. – Работа-дом-газета-сон. Скучная ты стала, пресная... А я мужик горячий и хочу разнообразия...

– Разнообразие?! Как же верность?! Как же наши клятвы?

– Я не давал никаких клятв! – заявляет муж и демонстративно поднимает большой золотой крест, болтающийся на толстой цепочке.

Он целует его, добавив:

– Я перед богом тебе в верности не клялся, а штамп и свидетельство о браке – это лишь бумажки, которыми подтвердиться можно.

– Ты обещал. Обещал...

Я должна быть сильной, но снова плакать начинаю. Отвернувшись. Не хватает сил держаться. Схватившись за края

раковины, рыдаю над мойкой, пока там шумит вода и размокают дорогушие сигары.

За спиной слышится вздох протяжный.

Сзади накатывает жар мужского тела.

Так близко-близко.

Кажется, он меня сейчас обнимет, опустит подбородок на плечо и начнет раскачивать легонько из стороны в сторону. Декабрин – не самый красноречивый мужчина и точно не мастер по утешению. Когда я плакала, оттого, что долго не могла забеременеть от него, муж всегда утешал меня именно так – горячо обнимал, держал бережно и просто ждал. Ждал, пока я выплачу все, что накопело. Мне всегда становилось легче от его молчаливой, но ощутимой поддержки.

Сейчас я почему-то жду, что он меня обнимет, извинится... Может быть, скажет, что ничего не было? Не знаю, как можно оправдать то, что я услышала и увидела, но вдруг он найдет необходимые слова, и я поверю?!

Я жду, чтобы он спас меня от разочарования, но этого не происходит.

Декабрин проходит по кухне и замирает у окна, разглядывая двор многоквартирного дома.

Мне становится холодно, как тем ноябрьским вечером, когда я встретила Декабрина Георгия. Холодно, страшно... Кругом одни пугающие тени, и никто не спешит протянуть руку спасения.

И он – такой же – чужой, пугающий, грубый мужик.

– Ты мне изменяешь, – повторяю я ломким голосом. – С подругой моей. Потому что... Потому что скучно тебе стало со мной?! Скучно, да?

– Я сказал.

– Все? Ты все сказал, Декабрин? Так вот ты не сказал того, о чем забыл, когда просил меня выйти за тебя, когда клялся, что с твоей прошлой жизнью – разбитной и полной блядей, покончено! Может быть, ты не богу клялся, но ты мне... Мне клялся! Выходит, что твои клятвы – это просто пшик холостой!

Плечи мужа напрягаются. Но он не поворачивается, только крепче хватается пальцами за пластик подоконника. Того и гляди – треснет!

Уже трещит...

Муж разжимает пальцы.

– Пресный брак, Манюня. Пресный. От преснятины все идет. Прими этот урок в наказание и исправляйся, иначе будет тебе развод и девичья фамилия.

Охренеть. Он еще мне и разводом грозитя?!

– В случае развода сына я при тебе не оставлю, – добавляет муж негромко и выходит, так и не посмотрев на меня.

Глава 2

Мартина

Вот так просто!

Привычная жизнь вдребезги. В осколки разбивается. Становится пылью, а я ничего не могу поделать. Только стою в коридоре и смотрю на свое отражение: волосы темно-рыжие, почти коричневые, разделены ровным пробором надвое, собраны в аккуратный бублик, украшенный кружевной сеточкой. Щеки у меня почти всегда румяные, даже красить их не приходится, а от эмоций так вообще горят. Брови широкие... Людка мне как-то сказала, что надо бы эти кусты привести в порядок, но у меня ровные, широкие брови и без всякого начесывания и ламинирования, к которому постоянно прибегает сама Людмила, чтобы сделать тоненькие и жиденькие бровки пушистыми.

Так, может, брови у меня не такие уж ровные и красивые? Бублик на голове и пробор – скучный.

Во что я одета? Брючки длиной три четверти и объемная толстовка. на ногах суперудобные лоферы. Может быть, так уже никто не носит?

Во что одета сама Людмила? Старается всегда быть жен-

ственной! Всегда на каблучке, пусть небольшом, но все-таки.

Чем дольше я смотрю на свое отражение, тем сильнее понимаю: Декабрин прав.

Я скучная. Наискучнейшая.

Кручусь перед зеркалом, пытаюсь принять соблазнительные позы, улыбнуться, а выходит так, словно мартышка копирует поведение человека. Тьфу... И фигуры у меня никакой. Стройность после родов вернулась быстро, грудь во время вскармливания была аппетитной, однако после его прекращения пришла в норму. А я же помню, как мужу нравилась моя грудь, пока я кормила Мирошу. Как он играл с ней, сколько всего неприличного и пошлого вытворял, как трахал меня жарче, чем обычно...

Куда все это ушло?

Я скучная, и он меня больше не хочет? Или пока хочет, но не только меня. И как быстро это перейдет просто в «у меня на тебя не стоит, и трахать я буду других».

Что же я могу с этим поделать? Уйти? На развод подать?

Конечно, могу! Могу... Но хорошо знаю, что Декабрин на ветер слов не бросает. Он вообще конкретный мужик, как говорил сам про себя. Сказал – сделает.

Пообещал, что если я подам на развод, то заберет Мирона, значит, так и сделает.

И никак иначе.

Не могу допустить, чтобы он забрал у меня сыночка. Мы долго не могли завести малыша, и вот, когда наконец это

случилось, сынишка стал центром моей жизни. Я все-все для него! Ради него...

А муж в это время начал смотреть и трахать других.

В одной из дальних спален хлопает дверь. Я понимаю, что так и стою возле зеркала.

Пакеты брошены возле порога. Все яйца растеклись лужицей на пол.

Надо собраться. Прибраться...

Наклоняюсь, подбираю. Собираю, вытираю. Мою тщательно полы.

Я чистоплотная и старательная. Но теперь тряпка в руках не держится! Возюкаю ею по полу, а к кончику носа слезы стекают предательские. Кому нужно мое старание?!

Людка вон... Никогда сама уборкой не занимается. Нанимает уборщицу, к ней приходят два раза в неделю – и все, а она в это время...

Тьфу, заиклилась я на ней. А как иначе?

Ведь мой муж выбрал не любую девушку с улицы, но мою подругу! Она все-все обо мне знает. Я с ней как-то даже в подвыпившем состоянии делилась откровениями о том, что в сексе нравится моему мужу. Ну, обсуждали мы мужиков, к месту пришлось.

Наверное, она это на практике применяет!

Новый приток слез.

Перетаскиваю пакеты на кухню, разбираю их без энтузиазма.

Рядом звучат уверенные мужские шаги, начинаю расставлять банки-склянки бодрее, вытираю слезы, отворачиваюсь. Не хочу, чтобы муж видел, как я реву.

Однако краем глаза замечаю, что муж на меня и не смотрит даже, просто собирается в коридоре, наводит последние штрихи: надевает любимые часы, поправляет галстук. Рубашка вот-вот треснет на его широких плечах.

– Я в офис. Вечером с пацанами в сауну, – информирует.

Хочется спросить: будут ли там шлюхи? Но что-то удерживает меня от этого. Остатки гордости...

Я лишь раскрываю холодильник и швыряю на полку банку ни в чем не повинного зеленого горошка.

– Я тоже!

Шаги замирают возле двери.

– Что? – спрашивает муж. – Что это значит? Я сказал, что с пацанами. В сауну. Ты говоришь «я тоже». Что – тоже? В сауну с пацанами?

– Тоже... Не буду. Дома. Ужин отменяется. Смысл мне здесь сидеть? Мирон будет у мамы. Я подумала, у него все равно через день каникулы, пусть побудет у нее в гостях.

– Растюлькает мне пацана. Ты и так патлы ему отрастила, как девчонке. Если не сострижешь и не сделаешь ему мужицкую стрижку, заберу с этих танцев, отдам на бокс, оболваню, нах. Под машинку. Пусть мужиком растет!

Я крепко стискиваю пальцы в кулачки. Даже не видя мужа, хорошо представляю, какое у него сейчас лицо, как он

поджигает губы, и как глубоко посаженные глаза кажутся еще глубже и мерцают из-под густых бровей.

– Ты в офис собирался? Желаю хорошего дня! – цежу сквозь зубы.

Дверь громко хлопает.

Ушел.

Я без особого энтузиазма разгружаю пакеты с едой. Смотрю на время: пора Мирона забрать из школы. Собираю для него сумку с вещами, еду в школу на такси. Сегодня не смогу быть собранной за рулем своего «Жука». Отвожу Мирона к маме, сообщаю, что он может побыть у нее несколько дней. Радости мамы нет предела.

– Правильно! Отдохните с Гошей, съездите куда-нибудь! Вы раньше так часто выбирались на отдых, а сейчас по уши в работе. Надо развеяться!

Вот и она, моя любимая мама, туда же!

Неужели наш брак стал скучным и без искры, и виновата в этом я?!

Настроение паршивое, плакать хочется.

Домой не хочу. Там все стены напоминают о нашей с Декабриным совместной жизни. Брожу возле дома кругами. Звоню второй подруге – Рите, и сразу же выпаливаю:

– Рит, Гоша мне изменяет, – пауза. – С Людкой!

– С Людкой?! Которая с седьмого этажа?

– Нет! Рит. С подругой. Моей и твоей... Людмила Ситцева.

– С нашей Людкой? Вот прям с нашей, с нашей?! – ахает Рита. – Су-у-ука! Я всегда знала! Всегда!

– Рит, ну что ты знала?!

– А то и знала! Знала! Не зря все кругом тебя отговаривали связывать жизнь с этим уголовником-Декабриным, с рожей криминальной, и только одна Людка тебе в уши напевала, что все достойны второго шанса, что он мужик слова и от тебя без ума. Все было понятно еще тогда! Она сама на его член облизывалась, долго слюни пускала! О, как долго... И вот... результат! Так... Постой! Это точно?

– Точно, точнее не бывает. Я пришла домой, а они в спальне. Смазки анальной им не хватило... Хотели масло с кухни взять. Я все это слышала.

Мне так плохо, что я даже не опустила подробности. Стыдно? Нет, стыдно должно быть не мне, а им!

– Мне так плохо. Мирона к маме отвезла.

– А этот самец где обитает?

– В сауну пошел. С пацанами.

– В сауну? Думаешь, не соврал?! Скорее всего, он Людку отжаривает, я ей звонила, хотела в кафе посидеть, телефон отключен. Совпадение?! Не думаю!

– Прекрати. Мне и так плохо. Не знаю, что делать.

– Больше ничего не говори. Закрываю бутик, через пять минут буду у тебя! – заявляет Ритка. – С тебя салфетки и лимон, с меня коньяк. Мы придумаем план!

– Какой план?

– План, чтобы он слюнями захлебнулся, думая о тебе! Чтобы о всех своих девках забыл! И вот потом ты сделаешь ему ручкой адьес, пусть побегает, кобелина!

* * *

Остановить Ритку – все равно, что вставать на пути у бронепоезда. Честно признаться, я невероятно сильно соскучилась по своей взбалмошной, неунывающей подруге.

Людмила ее немного недолюбливала, говорила, что Рита действует спонтанно, необдуманно, оттуда все ее проблемы. Может быть, Людмила права. Буду откровенно, все так, верно! Ритка – взбалмошная и немного сумасбродная, частенько сначала делает, потом думает! Но зато она честная и точно не выдумает план, как увести чужого мужчину под носом у лучшей подруги.

Впрочем, чего сожалеть, надо держать нос повыше! Однако нос отказывался держаться высоко, так и хотел клонуть вниз.

Соберись, Манюня. Тьфу, блин... Манюня-Манюня... Я уже и почти забыла, что мое настоящее имя – Мартина. Я – Мартишка, Тиша, Маришка, на худой конец!

Мне, блин, тридцать один год. Какая из меня – Манюня?! Это все Декабрин, много лет назад меня так называл: Манюней, и все. Как прилипло!

Хватит думать об этой сволочи. Но как о нем не думать...

Хорош же! Люблю я его до сих пор, как кошка. А он... он мне с подругой изменяет. В нашей супружеской спальне. Мне теперь туда заходить не хочется.

Хоть мы демонстративно в четыре руки с Риткой скатали постельное белье и затолкали в черный мусорный мешок, окропили все углы самогонкой и святой водой, зажгли три свечи с ароматом лаванды, все равно мне казалось, что там воняет духами подлой подружки и запахом моего мужа!

Хватит унывать, Мартина. Забуди о Людмиле, с которой со школы дружна. У тебя и хорошая подруга имеется. Верная! За пять минут свой бутик закрыла, прибежала! Ни на минуту не дает грустить, подливает, тормозит меня!

Ритка под коньячок с лимоном один за другим планы выдвигает. Закачаешься...

– Как тебе мой план? Скажи, шик, блеск, красота! И про эту тварину-блядину – Людку тоже забывать не стоит! – воинственно сверкает глазами. – Надо отомстить. Так, чтобы запомнила. Завистливая она! Своего мужика нет, ребенка одна воспитывает – по всем признакам – хищница! Недотраханная! Перед любым мужиком рогатку раздвинет, а перед таким, как Декабрин, сам бог велел раком загнуться! Как только мы ее гадкие промыслы проглядели! А еще, заметь... Она тебе постоянно советовала, как одеваться, как вести себя, как начать заниматься с ребенком совместно, как записаться на тысячу секций... Чтобы насовсем от мужа отдалить тебя, выдать скучной, а сама в это

время рядом терлась! Тварь, каких поискать! Лучок у тебя найдется зеленый?

Мне уже от выпитого коньяка тепло-тепло, но только в районе желудка. Сердце ледяной коркой покрыто. Если так подумать, мне тоскливо, мне холодно, мне больно и страшно. Хочется на ручки к своему Гошику – жесткому, иногда озабоченному, но такому родному и здоровенному мужику, который всегда мог меня утешить и поднять настроение. Хочу его любви, хочу секса – напористого, жесткого, спонтанного, опасного, иногда чуточку грязного... Хочу его, и все!

Хоть знаю, что он мне изменил, но чувства так быстро не выветриваются. Страсть не испаряется за секунду.

Выходит, что во мне и любовь, и страсть еще живы, а у него уже мало что осталось.

Так хочется к нему, хоть вой...

Пальцы тянутся к телефону.

Если открыть нашу переписку, можно много чего узнать и покраснеть до самой макушки от некоторых откровений.

Если бы не эта измена, я бы написала ему: *«Думаю о тебе. Скучаю»*.

Он бы ответил что-то вроде: *«А поконкретнее? Трахаться хочешь?»*

Можно было бы ничего не ответить, просто прислать фото трусиков, спущенных до колен, и Гоша бы прилетел, самое большое, через полчаса, готовый оттрахать хорошенько.

Или, если мне чего-то хотелось, особенно во время бере-

менности Мироном, стоило только написать ему: «Хочу...», и он это привозил. Сам. Или отправлял курьером, если был в разъездах.

Так зудит внутри...

Что, если написать?

– Ты чего делаешь?! – хлопает меня по руке Ритка.

– А чего?

– Ничего. По лицу вижу, что ты хочешь написать этому пиздюку, блядуну и предателю! Не смей...

– А что, если проверить? Просто проверить.

– После рюмашки развезло, да? Мужика захотелось?

– Я просто проверить хочу. Степень его... Эмоциональной привязанности ко мне.

Ритка задумчиво жует стебель зеленого лука, потом машет серьезно.

– Ну что ж. Давай. Но ради чистоты эксперимента я буду наблюдателем. Пиши!

Телефон заплясал в руках.

– Что же ему написать?! Боже... Скучаю?

– Как-то не то... Надо показать! Что ты не тряпка! Нефиг ноги вытирать! Надо дать понять, что чувства вроде бы еще есть, однако на стадии издыхания, – вдохновенно сочиняет Ритка. – Про предательство не забудь!

Я держу палец над экраном.

– Значит, нефиг об меня ноги вытирать. Я тебя еще хочу, но уже не так, чтобы очень. Верность – важнее всего! Если ее

нет, то и говорить не о чем... – повторяю, чтобы не забыть.

– И вообще, мужиков хватает! – буркает Ритка.

– И вообще, мужиков хватает. Не ты один с членом в трусах! – подхватываю я, проговариваю вслух, чтобы понять, как звучит.

Вздыхаю. Все не то!

Откладываю телефон.

– Что, передумала?

– Передумала. Не буду ничего писать! Он там в сауне с пацанами зависает...

– Или с Людкой. У блядюшки телефон до сих пор недоступен, а дома ее нет, я проверила!

– Или с Людкой. Нет, я все же ему напишу! – снова наполняюсь решимостью, взяв в руки телефон. – Ой...

– Что такое?!

– Я Гоше голосовое записала, – лепечу, смотря на значок отправленного голосового сообщения.

Еще и прочитанного!

– Когда успела?! Что ты там записала?

Наверное, пока думала, что сказать, сама не заметила, как палец скользнул вверх, на запись.

Ставлю на воспроизведение, слушаю свой голос, он кажется мне чужим немного!

«Нефиг об меня ноги вытирать. Я тебя еще хочу, но уже не так, чтобы очень. Верность – важнее всего! Если ее нет, то и говорить не о чем... – пауза. – И вообще, мужиков хва-

тает! Не ты один с членом в трусах!»

– И он уже послушал! Записывает ответное... Нет, не записывает... Снова записывает.

Пять минут примерно я наблюдаю, как то появляется, то исчезает значок аудиозаписи. В итоге Гоша присылает короткое текстовое сообщение из двух символов: «Ок».

– Ок?! Что за нафиг? Ок... Ну и пошел ты! – выпаливаю в сердцах. – Ок, значит, ок.

– Мамань, тебе тем самым дали добро на блядки.

– Вот что ты меня передразниваешь?! Манюней Гоша меня называет, а не маманей!

– Тьфу. Пусть избавляется. Другую Манюню поищет, а эта рыжая красotka... – Ритка опрокидывает в себе еще стопарик и взвизгивает, поморщившись счастливо. – Эта рыжая красotka прямо сейчас вспомнит, что такое каблуки, и отправится на поиски новой любви!

Глава 3

Мартина

Я не хотела надевать каблуки, потому что ноги в конце дня ныли.

Я не хотела и отправляться на поиски новой любви, не избавившись от старой, что сидела занозой в сердце.

Но для профилактики – пошла. Еще бы я не пошла, после трех дополнительных стопок коньяка!

Во мне после выпитого обида растворилась в крови и в решимости все исправить, а то, что исправлению не поддается, – сломать. Основательно!

Так что... Я решительно раскрыла дверцы гардероба и надела платье, которое Людмила мне советовала не покупать! Шлюшеское, говорила она.

Муж тоже его как на мне во время домашней примерки увидел, так озверел!

Сначала озверел в хорошем смысле этого слова, секс у нас был просто бомбический, а потом он сыто меня поцеловал и запретил надевать это откровенное платье. Еще выкинуть посоветовал.

Я мужа не послушалась. Выкинула.

Выкинула платье с основной полки на верхнюю дополнительную.

Красивое белое платье, наискосок, одно плечо открыто целиком, на втором – гордые воланы.

Короткое.

В таком, если присядешь, попа будет прохлаждаться на том, на чем присела.

В общем, в здравом и трезвом уме я бы такое платье в люди без сопровождения Декабрина ни за что бы не надела.

Но после коньяка я с чего-то решила, что это платье – самое то!

– И помаду – красную! – посоветовала подруга.

Я накрасилась.

Посмотрела на себя в зеркало:

– Ну ты и выпендрилась, Мартина! – сказала своему отражению.

При виде меня подруга завизжала довольноно:

– Украдут! Гарантирую, что тебя сегодня украдут! Так тебе, Гоша, и надо! Пусть крадут... Счастье не ценил. Все. Поезд ушел!

* * *

Для начала мы с Риткой отправились в бар. Подруга всю дорогу в такси рассказывала мне, какое сногшибательное впечатление я произведу. Но в нашем любимом баре сегодня

праздновали девичник, а все остальные гости сидели по парочкам за столиками.

Потолкавшись немного возле барной стойки, мы решили переместиться куда-нибудь в другое место.

Я улыбалась через силу. Вроде был у меня запал, но как-то быстро он выветрился.

– Давай просто погуляем? – предложила я.

– Все что захочешь!

После выхода из бара мы с Риткой дружно цокали каблучками по влажной брусчатке и шли... в... куда глаза глядят! Просто шли, болтали обо всем на свете.

Кажется, я выбрала не самый удачный день для randevu. Вторник...

Нам встречались прохожие, но все спешили по своим делам. На нас почти никто не обращал внимания. Косились, конечно! Но воровать меня никто не спешил.

Ритка включила свой плейлист под названием «на случай разбитого сердца и прочего любовного пиздеца», поставила музыку погромче и сунула телефон в карман.

Я держалась за ее локоть, слушая, как подруга подпевает:

*По барам, я твоя кара,
Я твоя карма, ты найдёшь в толпе мой типаж!
Ты подкатил, и она запала,
Но это вновь не я, а мираж...*

– Ритка, пой потише! На нас косятся!

– Подожди, ну еще одну! Вот... Еще одна! Самая любимая... Ну же!

*Под грустный дэнс я отпускаю нашу любовь.
Только здесь я оттанирую всю свою боль.
Как в паутине большой сети,
Ты рассыпаешься в памяти...*

Подруга подпевала, подмахивая бедрами. У меня же слезы к горлу комком подкатили, и все, никакого желания ни петь, ни плясать, ни даже материть гадкого изменщика. Я отошла, села на лавку, промокая платочком глаза.

Подруга застыла рядом, выключила музыку.

– Ты совсем расклеилась! Так не пойдет! Улыбнись!

– Не могу. Жизнь под откос... Больно!

– А ты через боль улыбнись! Пусть завистники сдохнут, пытаясь испортить тебе жизнь и отнять настроение.

– Отвянь. Хватит с меня громких и пустых речей в виде статусов для странички сети...

– Надо было не коньяк наливать, а мартини. Вдруг настроение было бы лучше?

– Не было бы лучше! Мне всегда от алкоголя хочется в кровать и на ручки к Гоше! – всхлипнула я. – Гад! Ненавижу его... Ненавижу!

– Вот-вот! Ненавижу и все. Поймала волну, молодец! Держись за нее и не ной! А давай... Давай ему отомстим!

– Да ну тебя...

– Хотя бы чисто символически! Пошли, есть у меня идея хорошая...

* * *

– Ты зачем нас сюда привела?! – смущенно запищала я, когда подруга затолкала меня в магазин интим-товаров, с круглосуточным режимом работы.

Мы оказались в царстве писянов и резиновых вагин, всевозможных игрушек и смазок!

– Мстить будешь. Не захочешь мстить, так хоть попользуешься, – отмахнулась подруга. – Девушка, а покажите нам что-нибудь убойное... Под размер достоинства... У твоего мачо размер какой? Вот такой? – развела ладони в стороны подруга.

– Вот такой! – расставила я подруге ладони пошире.

– Ох, завидую! – пробормотала девушка за прилавком. – Вот такие, какой размер вы показали, есть еще, но немного осталось. К сожалению, только в пурпурном и черном цвете!

Она выставила на прилавок коробку с пурпурным и черным членом. Неоновый пурпур цвета вырви-глаз и глубокий черный...

– Только такие?

– Только такие. Натюрель у нас разбирают за три часа, максимум. Новая партия придет через три дня. Можете подождать.

– Ждать никак. Нам прямо сейчас нужно! – заявила подруга, смотря на пурпурный.

– Тогда выбирайте. На них сейчас скидочка хорошая...

– Бери, мамань. Член, как у твоего пиздюка, только со скидкой и не изменяет!

– Это обязательно?

– Обязательно. Говорю, если пользоваться не захочешь, символически на куски покромсаешь, как огурец, представляя, что кромсаешь пенис гадкого изменщика, и полегчает. Бери...

– Тогда черный возьму, – робко сказала я.

– А я пурпурный.

Хорошо. Мы их взяли.

Но... положить было некуда! В сумочку крохотного размера они не помещались! В карманы легкой ветровки – тоже!

Пьяный мозг выдал гениальную идею – спрятать за пазуху или подмышку. Я скромно спрятала. Ритка же купленный пурпурный член из рук не выпускала!

Стыдно-то как!

Мы вышли из торгового центра, вроде бы никто нам по пути не повстречался, а все равно мне было стыдно и смешно идти рядом с Риткой, которая размахивала пурпурным членом, как саблей!

– А хорошо так в руке лежит! Приятно... Когда живой, наверное, еще приятнее. Поэтому Людмила и скурвилась... На член повелась! Мамань, а сфоткай меня? – хихикнула по-

друга, подбоченившись у торца торгового центра.

Только она приняла соблазнительную позу, оставив ножку сексуально, как рядом раздался развязный пьяный голос: – Девчат, работаете? По соточке за ночь или как?

Мы с Ритой обернулись. Прямо перед нами покачивался пьяненький мужчина лет пятидесяти с небольшим. Коренастый, широкоплечий, с маленькими, но очень наглыми глазами и гордо вскинутым подбородком.

К тому же спину он держал ровно, несмотря на то, что туловище раскачивалось, а из расстегнутой ширинки выглядывал щедрый кусок оранжевых семейных трусов.

Мужчина нырнул рукой в карман брюк, достал мятые долларовые купюры и перевел пьяный взгляд на меня, причмокнул слюняво:

– Денежкой не обижу. Айда в машину!

– Иди, дядя. Здесь любовь не продается! Пропись лучше! – посоветовала ему я.

Ритка поддакнула и взмахнула рукой с пурпурным членом.

– Да-да, идите! Всего хорошего!

Мужчина попытался сфокусировать взгляд на том, что было зажато у Риты в руке, но не смог.

Взгляд пьяного приклеился ко мне намертво.

– Деточка, поехали. Водитель ждет... Домчит с мигалками!

Он махнул рукой куда-то влево. Там его дожидалась ино-

марка, седан. Белый седан, хорошего класса, ничего особенного, если бы не красно-синяя мигалка на приборной панели.

Мне бы в этот момент задуматься или просто уйти, но мозг был в спячке.

Поэтому, когда наглый пьяница, невзирая на отказ, подошел и вцепился в меня мертвой хваткой, принявшись лапать за задницу и пытаюсь отвести меня в сторону машины, я рассердилась и как следует зазвездила по нахальной роже тем, что под руку попало.

То есть черным резиновым членом.

Тут еще и Ритка подросла...

Мужчине только и осталось, что прикрывать голову от ударов и пятиться, но при этом он издал громкий вопль: – Сидоренко, мать твою! Хули ты там сидишь! Тут честь погонов страдает! Живо сюда...

Вопль был не столько отчаянным, сколько командным. Такой, как он, явно привык глотку драть на работе, крича на подчиненных.

Вот тут можно было бы задуматься и сбежать. Сбежать от греха подальше, ломая каблучки на любимых итальянских сапожках...

Но разве я могла подумать, что этот мелкий, пьяный и мерзкий на вид мужичок не абы кто, а целый генерал?!

Мало того, что тот мерзкий мужичок оказался генералом, так он был еще и злопамятный. Через час нас с Риткой оформляли в отделении полиции, предварительно изъывая орудия преступления.

– Фамилия, имя, отчество!

– У-у-у... Потихе можно? – поморщилась я.

Моя голова все еще болела от воплей и матов генерала, который малость, но все-таки протрезвел после случившегося. Он оставил нас в отделении и свинтил, напоследок сказав, чтобы нас оформили со всей строгостью.

Вот что за непруха?

Всего один раз лишнего выпила и так вляпалась!

Я, хорошая мать, верная жена и просто неплохой человек, в дерьмо вляпалась, а какая-то выдра чужим мужьям свою задницу подставляет – и ей хоть бы хны... Несправедливо как-то!

Раньше я не придавала значения словам Риты о том, что Людмиле нужно отомстить, но сейчас в груди затеплился какой-то огонек, жаждущий мести.

Вот выйду... О, как только я выйду!

– Фамилия, имя, отчество! – снова потребовал дежурный.

– Декабрина Мартина Энгельсовна, – вздохнув, ответила я. – Год рождения тысяча девятьсот девяно...

– Стоп! – подскочил на месте дежурный, заполняющий на меня данные. – Декабрина?

До того, как я назвала свою фамилию, он на меня даже не смотрел, носом уткнулся сразу в бумажки. Однако сейчас мужчина пригляделся внимательно и уточнил вежливо:

– Декабрин Георгий – ваш муж?

– Муж, – ответила я.

– Скоро будет с приставкой «экс»! То есть бывший! – встала свои пять копеек Рита.

– Помолчи! – шикнула я на подругу и кивнула. – Да. Декабрин Георгий – мой супруг! А что?!

– Та-а-ак-с! Это все меняет!

Дежурный мгновенно отложил ручку и подскочил, одернул вниз рубашку.

– Прошу прощения за этот инцидент, Мартина. Скоро мы вас отпустим!

– Ты больной? – вскинулся на полицейского его напарник. – Генерал сказал оформить по всей строгости!

– И что? Ты генерала видел? Он едва на ногах держался, когда это говорил! Завтра продрыхнется и ничего не вспомнит. Доказательств не останется! Потому что он приказал удалить с видеорегистратора запись, где эти две дамочки лупасят его хуями по лысой башке! – заржал дежурный.

Второй тоже заржал, понизил голос.

– Удалили?

– Удалили, естественно, если сам генерал приказал. Но...

Для себя я переснять успел!

– Покажешь? Я-то обход делал, ничего не успел увидеть!
Будь другом, покажи?

– Покажу, ты только не обоссись. Я ничего смешнее в жизни не видел!

Наверное, еще полчаса стены ментовки ходили ходуном от дикого ржача двух полицейских.

– Ой, бля... Ой, бля... Не могу... Живот режет! – вытирая слезы, произнес второй. – Я, конечно, рад, что генерал свое отхватил. Сволочь он. Мудак! Старпер охеревший! Как-то моя жена в отделение пришла, он ее по заднице шлепнул. Я еле сдержался, чтобы леща генералу не отвесить!

– А че сдержался?

– Как что?! Я с работы бы вылетел. Хоть кто-то этого гондона отходил, как полагается.

– Ну да, ну да. Однако странно ты рассуждаешь. Генерал завтра камеры проверит, а там пустота. Где дамочки? Генерал сказал, по всей строгости им впаять все, что только можно! Не сделаешь – уволит тебя к чертовой матери!

– Уволит! Вот именно, всего лишь уволит. А если я жену Декабрина в камеру закрою, то меня самого закроют. В гробу.

– Пфф... Ты че-то странно побледнел! Что за Декабрин такой?!

По лицу второго полицейского было ясно, что он не совсем в теме, не понимает.

– Ты че, о Декабре не слышал, что ли? Декабрин Георгий. Он же Гоша Декабрь.

– Угу, – вздохнула я. – И не дай бог вы его Жорой назовете, уроет!

– Кое-что слышал, но я же не местный. Недавно здесь.

– Понаехали, – фыркнул. – Такие имена нужно знать! Гоша Декабрь больной на всю голову. Отморозок просто! А это его жена.

– Ну, жена и что?

– Ну, жена и что, – передразнил полицейский и ослабил галстук. – Послушай меня, Толя, я тебе сейчас кое-что поясню. С вашего позволения, расскажу об инциденте с вашим прошлым задержанием! – обратился на последних словах ко мне.

– Рассказывай, – махнула я.

Все равно дело прошлое... Так, может, хотя бы проникнутся и отпустят меня? Ни за что ведь посадить хотят!

А мужу звонить не буду. Вот еще... Пусть и дальше в сауне свой зад парит!

Глава 4

Мартина

– Несколько лет назад, когда я только заступил на службу, Декабрь вроде как с криминалом решил завязать. Никто из наших его не трогал. Но тут попался залетный следователь, из верхов, и решил раскрыть какое-то старое дело, связанное с Декабриным. И кого, как ты думаешь, решил этот петух залетный в качестве главного свидетеля взять?

Второй полицейский подпер подбородок рукой, слушая. Честно говоря, я и сама заслушалась, вспоминая.

– Ее, – тихо сказал первый, махнув в сторону рукой. – Жену Декабрина.

– Козел! – выпалила я. – Я выходила из кондитерской, к мамуле в гости шла, такой красивый торт купила, с шоколадными ангелочками... Посреди улицы схватили. Торт на асфальте оказался, а меня в узик затолкали, еще и допрос устроили.

– Два часа сорок три минуты, – подтвердил полицейский. Я поежилась. Первый допрос в моей жизни. На меня орали, материли, грозили кинуть в камеру к быдлу и уголовникам, протащить по всей грязи, которая только возможна.

Потом снова предлагали ласково и снова орали... Я молчала. Рассказывать мне было нечего, ведь Гоша меня никогда в свои дела не посвящал, а к тому времени уже и завязал с криминалом совсем.

После того допроса Гоша меня на руках носил, считал себя виноватым, что тень делишек его дружков меня задела.

Давно я не вспоминала об этом случае. Но сейчас под давлением атмосферы вспомнила и взгрустнулось немного. Я задумалась, могло ли все повернуться иначе? Еще тогда... Я ведь могла испугаться и уйти от Гоши. Или не могла? Уйти от Декабрина? Нет, тогда это казалось нереальным! Даже мысли подобной не возникало...

– И что? Что дальше было?! – поинтересовался Толя.

– Потом Декабрь узнал, что его жену мурыжат, и мгновенно прилетел. Такой разнос здесь устроил. Тут все на цыпочках ходили. Все! Жену Декабрина отпустили.

– И все? – разочарованно спросил второй. – Ну а тот, следовательно, с ним что?

– А с ним, мой дорогой Толя, Декабрь потом сам лично разговаривал. Ровно столько же, сколько допрашивали его жену. Два часа сорок три минуты... И все.

– Все? Пфф... Туфта, а не рассказ!

– Дебила кусок ты, Толя. Человек до сих пор питается через трубочку едой, перетертой в пюре, и под себя ходит. В памперс для взрослых. Вот и думай, нужно ли тебе так выслуживаться перед пьяным генералом? Или не нужно?

Вопрос повис в воздухе, а я вдруг спросила себя: а мне самой... Нужен ли вообще этот человек, из трех букв, то есть муж.

Раньше, безусловно, был нужен. А сейчас? После измены...

Чувства остались, но не хочется быть той, кто станет обслуживать все его загулы и блядки.

Гоша клялся, что с его прошлой жизнью покончено...

Может быть, с прошлой жизнью и было покончено. Но, судя по услышанному мной сегодня, он и в этой, нынешней, неплохо устроился!

А я что, обслужить его должна?

Борщи варить? Труссы наглаживать?

Обойдется! Пусть себе домработницу наймет, а я больше к уборке и пальцем не притронусь...

Буду обслуживать только себя и Мирошку.

Декабрина же пусть его телки обслуживают.

Хочет вкусно покушать? Пусть Людмиле звонит!

Рубашка мягкая? Запрос туда же!

Не хочет он мне развод давать? Не надо! Но и хорошей семейной жизни он от меня больше не дожидается.

Все... Есть запрос на качественную супружескую жизнь? Пусть его исполняет Людмила.

– Так это не шутки? Серьезно все?

– Какие шутки, я тебе рассказал, как было. Хочешь, на своем настаивай, но я руки умываю.

– Не-не. Я вообще еще не решил, буду ли я здесь служить или нет.

– Вот и я лучше карьерой рискну, чем жизнью. Все, Толя. Открывай камеру, отвезешь прекрасных дам по домашнему адресу, проводишь до двери и пожелаешь им спокойной ночи.

– Еще скажи, с мигалками их отвезти!

– Непременно. Чтобы в кратчайшие сроки. И орудия кхе-кхе... дамам верни! Все, пошел... Живо!

* * *

Мне не дали ничего возразить.

Отнекиваться я не стала, хоть какая-то польза от фамилии Декабрина и его дурной славы человека, который способен на все. Буквально на все...

Главное, что мы без прямого вмешательства Декабрина справились. Не хотелось мне видеть на его физиономии знакомую ухмылку и слушать снисходительное: «Манюнь, ну я понимаю, Ритка, а ты... Ты-то куда?! Самой не смешно?»

Ну уж нет! Все, что угодно, только не это! Не хочу выглядеть дурочкой, которую нужно спасать из любой мелкой передраги.

Все обошлось! И на том спасибо!

Рандеву на сегодня я для себя решила закончить. Но, пока патрульная машина колесила к дому, прикинула: Мирошка

будет на каникулах у родителей, а мне надо будет чем-то занять себя. Раньше мой ответ звучал бы однотипно: мной займется Гоша. Устроит сюрприз, мы поедем куда-нибудь спонтанно...

Так было раньше, до появления Мирошки.

Потом из-за того, что он был маленький и часто болел, я не могла себе позволить оставить его дольше, чем на пару часов, с кем бы то ни было. Не могла, и все! Потом Мирон подрос, болеть стал значительно меньше, но я уже привыкла находиться постоянно рядом с сыном, думать и заботиться, в первую очередь, о его досуге, интересах...

Наша с Гошей личная жизнь начала плавно отходить на второй план. Он стал чаще задерживаться на работе допоздна и больше не старался освобождать каждые выходные, даже на дом работу стал брать.

Черт побери, а ведь, вспоминая моменты, когда мы могли зарулить куда-то спонтанно, я думаю о том времени, что было давным-давно!

Сыну уже семь. Маленький мужичок. Самостоятельный... Может и с родителями побыть. Почему же все зашло в тупик?

Я пытаюсь вспомнить, когда мы с Гошей отдыхали для себя, для души. Вдвоем. Не беспокоясь о сыне, быте и работе, и не могу вспомнить. Даже на нашу годовщину я постоянно бегала к постели сына, хотя он всего-то немного сопливил и лежал с температурой тридцать семь, потом еще и уснула

возле сыночка. Вечер вышел скомканным, наутро Гоша улетел в командировку...

А потом – вот, пожалуйста, Манюнь.

Ты скучная стала. Скучная, пресная...

Значит, я скучная.

Не хотелось признавать правоту Гошиных слов. Кому понравится слушать про себя подобное?!

Но в чем-то он прав. Я много взвалила на себя, кроме заботы о самой себе.

Обидно до слез!

Вот как раз и потрачу новогодние каникулы на себя любимую. Позволю то, о чем когда-то мечтала, но так и не решилась, обновлю гардероб... Поживу в удовольствие!

Для себя, не только ради Гоши.

– Приехали.

Ритка уснула на заднем сиденье патрульной машины. Я кое-как ее растолкала, когда мы приехали ко мне домой.

Полицейский проводил нас до двери квартиры, пожелал спокойной ночи, убедился, что мы зашли, и только после этого отправился прочь.

Восвояси.

Я устало рухнула на пуф возле входа и вытянула ноги вперед, со стоном стягивая каблуки.

Голова болеть начала из-за выпитого и пережитого, а потом мой взгляд упал на большой черный мешок с постельным бельем, которое я собрала, но так и не вынесла.

– Надо выкинуть белье, – сказала я, кивнув на черный мешок.

– Выкинуть? У меня есть идея получше, – подала голос Ритка.

Ох, не надо было ее слушать!

Тем более не надо было делать, как она сказала, но внутри подал голосок огонек, жаждущий мести...

* * *

Гоша Декабрь

– Поднимаю ставку.

– Опять поднимаешь. Снова? Сколько поднимать можно? Опять надуришь!

– Я не дую. Кий в руках держи ровно, и будет тебе счастье.

– Скучно!

Савелий Волков, он же просто Волк, поднимает руки и бросает кий на стол, испортив идеальнейшую расстановку шаров.

– Эй.

– Все. Не играю! Скучно. Заебал ты меня. ЗА-Е-БАЛ. Все. Что за сборище такое? Трезвое, и без баб!

Вопреки тому, что Савелий возмущается о трезвости наших посиделок, сам наливает себе виски и всасывает в себя, будто воду.

– Шары катаем. Тьфу! Надо другие шары подкатывать. В правильном направлении. Давай девок позову, а? Как в старые добрые времена, а? По мокрой пизденке на каждой коленке!

– Нет.

– Ну хоть одну? На двоих раскатаем!

– Нет.

– Ебанный святоша! Неужели тебе баба твоя не приелась еще? За годы брака! Декабрь, ну? По-братски! Поделись правдой... Ни за что не поверю, что ты все эти годы только одну бабенку и потрахиваешь. Придается же, ну! Какой бы смачной она ни была, не поверю! Моногамность – самый большой изврат, которого в природе быть не должно!

– М-да? И как это работает?

– Как?

Друг складывается пополам, гогоча, как гусь.

– Точно ебанный святоша, все забыл. Уже не помнишь, куда хуй совать надо. Трезвый постоянно. На спорте, да?

– Да.

– Смотрю, железом до сих пор увлекаешься, расперло тебя еще больше. Стероиды какие-нибудь жрешь, поди! Все в мышцы идет, но не в ту, что надо... Слушай, а может, ты импотентом заделался?

– А может, ты на колени встанешь и отсосешь? Заодно и проверишь!

– Если у тебя на сосущего мужика встанет! – отбрасывает мою шутку, даже не обидевшись.

– Ни на твой похабный рот, ни на твою уродливую жопу у меня никогда не встанет, не надейся.

– Вот и нечего на мою жопу смотреть! – натягивает полотенце повыше. – На бабские жопы смотри.

Хмурюсь, отвернувшись: в голове промелькнула сегодняшняя ситуация с Людмилой.

Друг успел засечь мимолетное изменение настроения. Подбирается с ухмылкой и внимательно, голодно, типично по-волчьи смотрит, заглядывая в глаза.

– Ты че на меня, как на кусок мяса уставился? – толкаю его в плечо. – Отодвинься. Прижался, будто к телке.

– Чую, пиздишь ты мне. Как дышишь. Было что-то. Так?

– Завали хлебало. Выпей лучше. Бабу хочешь, так шуруй и снимай для себя. Мне не надо. Есть с кем время провести.

Отхожу подальше, натирая кий старательно. Сава всю партию испортил, но можно шары и по памяти расставить, чем я и занимаюсь.

Изредка кошу взглядом в сторону телефона.

Обычно, как в сауну соберешься, моя в это время тактично спрашивала: «Придешь ночевать?»

Раньше, конечно, звучало иначе: «Без тебя в постели холодно. Скучаю...»

По-скромному так, но честно.

Несколько слов – и все... Приплыли. Хуй концом в небо, как мачта!

Мне и этих слов хватало, чтобы загореться.

Только к ней и летел. К Любимой.

Потом куда-то запал делся.

Вернее, у меня запала хоть отбавляй, а жена будто ко мне остыла.

Занята постоянно, некогда ей, даже секса стало в разы меньше. И куда мне свой дымящий агрегат девать? Даже дрочить стал, испанский стыд. Перед кулаком скоро стремно будет...

Может, жена хахаля себе завела?

Поневоле кошу взглядом во все, где только можно отражение поймать.

Разве можно рядом со мной хахаля завести? Одно выражение лица: не влезай – убьет, может кого угодно отпугнуть. Нет, не то...

Или все-таки то...

Людка – понятное дело, для чего это было.

Но сама... Манюня моя... я ведь напрягся раньше, чем с Людкой это замутил!

Может быть, пока я считаю, что жена по уши в секциях, в быту и бог знает чем еще шуршит, она не тем делом занимается? Трется по-тихому с козлом каким-то. Со смертником... Я же прослежу и выбью из пидара все дерьмо...

Внезапно снова Сава передо мной вырастает, с ухмылкой.

– Так колись. Было?

– Че?

– Бабу другую пехал? Провернул гайку на болте? В дымоход пару гранат кинул? Хотя бы дал погонять за щекой? Коли-и-и-ись!

В голове проносится сегодняшнее.

Усердно сметаю в сторону. Савелию о таком точно знать не стоит.

Пиздабол-собеседник – это про него. Узнает, что у нас с Манюней в браке все не ладно, может и к моей жене подкатить.

Это он только на словах пиздит, что на таких, как Манюня, не заглядывается, но я знаю, что в самом начале он слюни на мою женщину пускал.

Кто знает, может быть, и до сих пор не прочь... Да еб, это же Савелий Волков!

Такого пусти в овчарню, на выходе получишь только порванных овец. Моя жена вроде не овца, но слишком тихая стала, правильная, занятая вусмерть. Работа, школа и секции Мирона, встречи клуба благотворительности, волонтерство...

Некогда-некогда. Все на бегу. Последний раз во время секса даже трусы снимать не стала, попросила их в сторону сдвинуть и на время смотрела еще, спешила. Отдолбил, как будто механически.

Удовольствия ни в голове, ни в хуе. Только выплеснулся, но снова зудит. Хочется же как раньше! Куда пропал огонь?! Бесит...

Еще эта Людка подвернулась с просьбой о помощи, и я решил, почему бы и нет? Баш на баш.

Вариант? Вариант!

Вот и допрыгались.

Теперь дороги назад нет, только вперед.

– Задумался ты слишком. Не знаешь, какой случай вспомнить? Значит, баб немерено членом перемерил? – ухмыляется Савелий.

– Да пошел ты.

В ответ звучит громкое и пошлое «гы-ы-ы», сопровождаемое шлепком ладони о сомкнутый кулак.

Кретин! Такого горбатого, как он, даже могила не исправит! Но нравится бабам Савелий, еще и на рожу смазливый... В общем, дело труба. Блядун еще с пеленок, до гроба блядун.

– Как я посмотрю, с памятью у тебя полный окей, – замечает Сава, когда я вернул все шары на прежние места. – Вот здесь только ошибка.

– Где?

– Здесь-здесь! – говорит, показывая на край стола. – Ошибочка!

В итоге начинаем спорить. Савелий опрокидывает на меня тарелку с жирной закуской. Настроение портится еще

больше. Позвав обслугу, удаляюсь в парную, просидев там с час.

Потом – в бассейн, плавать. Легкая прохлада выстудить должна, но почему-то кровь никак не остужается. Кипит только.

Снова парная, снова бассейн.

Настроение так и болтается около нуля, и, похоже, это ничем не исправить.

Возвращаюсь обратно к другу.

Времени прошло прилично...

Изрядно выпивший, он уже не один, в компании шмары какой-то. При моем появлении Волк салютует бутылкой.

– Ладно. Я пошел.

– Погоди, ты сюрприз не видел! – останавливает меня.

– Какой?

– Этот! Выходи, красавица...

Оборачиваюсь на звук шагов, скрипнув зубами. Да он издевается! Рыжую шлюху мне заказал.

– Отрывайся. Секс-пушка. Бомба. Заряженная. Ты только посмотри на ее сисяндры. Между такими не то что хуй, между ними все твое паршивое настроение растает! Подарок от души. По-братски. Кот одобрил, – подмигивает.

– Еще бы Кот не одобрил, – кривлюсь. – Где этого клоуна носит? Приехать же должен был!

– Говорит, рейс отменили, скучает в отеле. Мотается по заграницам. Тоже типа бизнесмен, как ты. Один я... Воль-

ный, как ветер. Бери бабу, Декабрь... Отжарь хорошенько. От подарков отказываться нельзя... Распакуй во все дыры!

Девка тем временем уже вплотную прижимается, проведя пальчиками по моей груди.

– Сам подарок распакуй, – сбиваю чужие женские руки. Внезапно в груди холодеет. – Где мой телефон?

– Что?

– Телефон. На краю стола лежал. Где он?

Волк отводит глаза, начинает шарить лапой под лифчиком своей лохудры, изучая сиськи, как будто ни разу их не видел.

– Не видел я никакой телефон. Ты его с собой разве не брал?

Глава 5

Гоша Декабрь

Так... Что-то мне это не нравится. Я хорошо помню, где лежал мой личный телефон. На краю стола. Там я его и оставил. Без задних мыслей, в присутствии друга.

Это же Волков Савелий, сколько мы с ним всего прошли... Неужели зря телефон оставил?

– Ты чего расстроился так? Телефоны сейчас как гондоны – одноразовые! Быстро ломаются. Другой купишь! – успокаивает меня Волк.

Чересчур позитивно.

Все, чуйка орет: он замешан!

– Мне нужен мой телефон. Гони давай, без шуток.

– У меня его нет! Ты телефон с собой брал! – чешет.

– КУДА?!

– С собой.

– В парную? В бассейн? Че ты лепишь мне?! Телефон взял либо ты, либо твоя шлюха.

Перевожу взгляд на девушку.

– Ты взяла?! – спрашиваю и смотрю исподлобья.

Коленки у девки затряслись, побледнела, начала дергать

головой в знак отрицания.

— Когда я пришла, телефона уже не было, клянусь! — отвечает мгновенно.

Кажется, не врет. Из агентства какого-то, от страха перестала прижиматься к Савелию, глаза такие огромные, полные страха.

Я молчу. Ее это пугает. Наслышана, значит...

— К-к-клянусь, я ничего не брала. Ничего! — реветь начинает. — Можно я просто отработаю и все?!

— Значит, ты! — смотрю на Савелия. — Мой телефон был здесь. И ты — тоже. Я вернулся — телефона нет! Ты что задумал, а?

— Что я задумал? Да ничего такого! — пятиться начинает. — Ты его сам где-то оставил. В раздевалке проверь.

— Сейчас проверю...

Сейчас я на тебе кое-что проверю!

Быстро иду в направлении раздевалки, но потом резко сворачиваю.

Бутылка. Стол. Угол стола.

Осколок получается что надо.

Острый осколок к горлу якобы друга, который такой нападки не ожидал. Нажал, как следует, полилось.

Бляди завизжали, увидев кровь, и испуганно убежали.

— Где телефон? Ты что задумал, клоун? Подставить меня решил. А? Говори. Не то я тебя этим тупым осколком буду кромсать. Долго. А потом из твоей шкуры коврик скатаю

и брошу под ноги в автомобиль. Говори!

– Кретин. Отпусти! Еблан... В мусорке... в мусорке твой телефон!

– ГДЕ?!

– В мусорке. Там. Я... Кхрр... Выключил и в мусорку швырнул.

– И зачем ты это сделал? Замутил что-то? Втихаря! Падла. Знаешь же, что это – личный телефон. И что ты там мог сделать?! ЧТО?! Информацию личную пробивал? Круг моих близких хотел узнать досконально? Адреса? Телефоны? Что именно ты искал? Кому проданся, мразь?

Волк уже бьет по локтю, чтобы перестал.

– Ничего я не замутил, клянусь! Не предавал я тебя, братан! Просто посмотрел, прочитал смс-ку. Так, ответил кое на что...

Холодею.

– На что? На что ты мог ответить, еблан? Говори! Или без башки останешься.

– Жене... Жене твоей я ответил! На одну конченную смс-ку. Все. КЛЯНУСЬ! Больше ничего с твоим аппаратом я не делал.

Отпустив Волка, отпинываю его тушу подальше. Тот падает, пачкая кровью пол, и сразу полотенце к шее прижимает покрепче. Крови натекло немало.

– Ты мне чуть глотку не продырявил, – прядет головой потрясенно, а голос довольный. – Вот это я понимаю... Де-

кабрь еще не совсем булки расслабил! Хват как прежде!

Внутри все кипит.

– Завались. Телефон доставай мой. ЖИВО! Пока я тебе пальцы через мясорубку не прокрутил!

Убить его хочется. Сунул нос в мою переписку с женой.

Один хрен, там в последнее время ничего сексуального или приватного! Но важен сам факт. Савелий позволил себя слишком много! И на что он ответить мог.

– Телефон давай! Живо! – уже почти рычу на пониженных.

– Я же сказал, где он! В урне с мусором. На беззвучном режиме.

– Ты что, во мне мусорщика увидел? Я все урны в зале проверить должен и угадать, куда ты кинул? Доставай телефон сам. Быстрее! И протри, блять, перед тем, как телефон мне вернуть.

– Я по мусоркам с детдома не шарился! – вскипает недовольно.

– Вот и вспомнишь, как это, – отрезаю холодно. – Я жду, Савелий. Жду.

Мы обмениваемся напряженными взглядами. Во взгляде друга читается вызов и досада, но и вину за собой он тоже чувствует.

Поэтому тушуетсЯ и вздыхает тяжело.

– Ладно. Братан. Прости... Просто тебя давно не было, я решил, вдруг что-то важное.

– Всю переписку прошерстил?

– Что? Нет! Нахера мне...

– А я откуда знаю. Помню, ты на мою бабу слюной капал.

– Пфф... Да когда это было, Декабрь! Ну, сказал я по пьяни, что она у тебя симпатичная! На празднике... Епта. Один раз пизданул по глупости! Неужели ты все запомнил?! Не нравится мне она!

– Не нравится. Че, не красивой считаешь?

– Нет, красивая.

– Значит, нравится?

Волчара не знает, куда деваться, а потом выдыхает:

– Ты меня запутал! За нос водишь. Короче, так. Баба у тебя норм. Ясно? Но я к ней подкатывать никогда не планировала и не планирую. Все.

– Телефон еще давай. И я твои слова запомнил!

Бурча под нос, Волк отправляется на поиски моего телефона и быстро его находит. Перед тем, как вернуть мне аппарат, он его протирает полотенцем, немного смоченным в виски.

– На что ты ответил? На какую смс?

В уме перебираю варианты, которые могла прислать Маша.

В последнее время только по делу.

Может быть, все-таки решила ужин приготовить?

Борщ фирменный сварила. Или котлеток навертела – они у нее всегда сочные!

Может быть, надулась немного, пообижалась и решила похозяйничать и пригласить на ужин?

Вроде тета-тет у нас с ней сорвался. Вдруг моя ненаглядная хотела меня вкусно накормить и не менее вкусно потрахаться? Опять же – сынишку родителям пристроила.

Блять, аж аппетит разыгрался!

Настроение приподнялось. В трусах болт напрягся в предвкушении...

– Вот, держи мобилу. Только эт самое... – мнетя друг, придерживая аппарат перед тем, как вернуть.

– Ну что еще?! Сюда давай!

Горю нетерпением. Аж дымлю...

– Ты только не кипишуй сильно, ок? – предупреждает друг, возвращая мобилу. – Но баба твоя налево решила пойти.

– ЧТО?

– Так и сказала, братан. Клянусь... Послушай сам. Я ничего не удалял.

Че он там мямлит! Фигню какую-то!

Вижу ответ, который он послал вместо меня: «ОК».

Ставлю на воспроизведение аудиосообщение от Манюни и ахереваю по мере услышанного.

«Нефиг об меня ноги вытирать. Я тебя еще хочу, но уже не так, чтобы очень. Верность – важнее всего! Если ее нет, то и говорить не о чем... – пауза. – И вообще мужиков хватает! Не ты один с членом в трусах!»

Не я один?! Это что, блять, такое?!

Я снова поставил аудио на воспроизведение. Потом снова и снова... Слушал и не мог поверить, что это говорит моя жена, моя Манюня, которую я знаю, как облупленную, уже много лет!

Почти двенадцать лет, если быть точным.

Если отсчитывать с момента нашего знакомства. Не сразу я эту девочку в отношения затянул. Между первой встречей и второй прошел значительный срок, два с половиной года. Но я почему-то упорно считаю, что Манюня – моя, с той самой первой встречи...

Столько лет вместе, а она меня сейчас не просто удивила и поразила. Вынесла, нах...

«Не ты один с членом в трусах...»

Убью, подумал.

На кого она посмотреть решила, убью. Но перед этим кастрирую медленно и без обезбола...

– Гош, Гош... Гош! – помахал перед моим лицом Волк и подтолкнул мне под зад стул. – Ты дыши. Дыши, главное, окей? Давай... Вдыхай и выдыхай! Вдыха-а-ай, выдыха-а-ай! Красный стал, как вареный рак, глаза бешеные, кровью налились. Вот... Передохни немного... Дыши!

В помещении были мы одни. Девочек уже не было.

Савелий суетился, обмахивая меня окровавленным полотенцем.

– Отвали!

– Спокойно, Гоша! Щас мы эту изменщицу накажем... Вот... хлопни! Я тебе накапал... Успокоительного! Изготовлено по собственной авторской методе... – прихвастнул в конце.

Друг протянул мне бокал, в который бухнул, кажется, все виды выпивки, которая на столе стояла, еще и перца красного сыпанул. Себе он взболтал точно такую же бурду, втиснул бокал мне в пальцы, стукнул по нему своим и хряпнул одним махом.

Потом посинел, покраснел, выдохнул сипло, прокашлялся, вытирая слезы.

– Пиздец, как прошибает. Пей! Все мысли сразу на место встают!

– Не буду я эту херь пить. Сам травись...

Друг сел рядом, смотря на меня.

– Правильно. Нечего волну гнать, – помолчал. – А что ты ищешь? – заинтересовался телефоном у меня в руках.

– Приложение загружаю. По телефону отследить хочу, где моя жена отжигает!

Волков хлопнул в ладоши:

– Верно. Так ей. Найди! На место поставь... Чтобы знала свое место... Развод и девичья фамилия, пусть на паперти сосет.

– Слышь ты... Советчик хуев. Ты мне уже тут насоветовал. НаОКал, блять, проблем. Молчи. Никакого развода! Ясно?! Она – МОЯ жена и мать моего сына. Все. В браке оста-

немся, что бы ни случилось. Хоть потоп, хоть чума, Мартина – моя жена, таковой и останется.

– Понял.

Савелий затих.

Но надолго его терпения не хватило.

– Но и ты пойми. Бабы свое место знать должны, – продолжил науськивать. – Четкое разделение границ. Вот что тебе нужно...

Загрузил приложение, отследил значок.

Бля, сигнал слабый, точное местоположение не показывает. Я рывком встал и пошел на выход. Все. Поход в сауну можно считать завершенным.

Быстро оделся. Савелий поскакал за мной следом, на ходу застегивая штаны, держа пиджак под мышкой. Про рубашку забыл, туфли до конца не зашнуровал.

Так и шлепал за мной до самого выхода.

– Постой, – хлопнул по плечу Волков.

– Что тебе еще?!

– Завидую я твоей смелости! Ты, эт самое, пониже наклоняйся, пониже... – показал ладонью друг. – Смотрю, ходишь, под косяками не нагибаешься, а надо бы. Вдруг у тебя уже рога ветвятся, как у лося, а ты...

Увидев мой бешеный взгляд, Савелий попятился:

– Все, молчу... Я молчу. Давай делом займемся. Нашлась твоя жена по приложению или как?!

Все, есть сигнал! Ждал, пока приложение точно выдаст

адрес, а Савелий продолжил делиться своими соображениями.

– Ты вот что пойми, Декабрь. Есть бабы для семьи и есть бабы для ебли. Это две несовместимые вещи. Одну ебешь и вкладываешься по мере того, как хорошо и четенько она твой член обрабатывает! Перестал на ее вид вставать? Или много говорить начала, просит того, на что не насосала? Все, свободна... Следующая красotka к ноге! – хлопнул себя по ляжкам. – Во вторую женщину, которая жена, вкладываешься, как в семью, понимаешь? Но тоже, чтобы не позволяла себе лишнего! Строго все, четко... Чтобы место свое знала. Хорошо себя ведет? Окей, на тебе... Шуба в год – одна штука, поездка на море – две штуки, кольцо новое, на праздник Восьмое марта – одна штука. Не справляется с харчами, уборкой или того хуже, как твоя, на члены поглядывает?! Все, бля, милая, ты – безвыездная. Из дома ни ногой! Живо села на хлеб и воду, нах!

– А я погляжу, ты та еще шкура жадная. Калькуляцию тут развел. Не зря в тебе жидовская кровь! Пшел вон...

Однако друг продолжил:

– Ты в этом котле варишься, а я со стороны вижу четко, братан. Глаз как у орла.

– И нюх, как у собаки? – уточнил я, поднес ему к носу кулак. – Чуешь, какими звездюлями пахнет? Хлебальник закрой...

Все, нашел, где моя жена!

Так-так-так... И где же. Где же она, моя ненаглядная, на другие члены в трусах решила посмотреть?!

Увидел адрес.

Да быть этого не может! Что она там забыла?!

В ментовке, нах.

Внезапный мороз пробрался вдоль всего позвоночника, вцепился так, что зубы заскрипели.

Вдруг снова что-то вылезло? Вдруг расследование какое-то и ее зацепили?!

Мало ли... Какой залетный... Хер знает!

Срок давности или что-то в этом роде...

Вдруг мою жену прессуют?!

Живо к ней, обиды прочь!

– По коням, – буркнул друг, завалившись на заднее сиденье. – Салфетки у тебя есть? Течет у меня немного... – прижал ладонь к шее.

– Мозги вытекают. А нет, погоди. Это не мозги. Откуда у тебя мозгам взяться? Их у тебя и не было никогда... Только жидкость одна.

Савелий обиделся, затих. Так и молчал до самой ментовки. И правильно сделал, что молчал. Я был готов к состоянию, просто зверски избить и выместить всю злобу на нем, как на вещи, подвернувшейся под горячую руку.

Телефон трезвонил все время.

Кучи пропущенных...

Листанул вниз, увидел одно часто повторяющееся имя среди прочих: «Людмила Шилова».

Подруга моей Манюни.

Та самая, с которой меня застукала жена.

Этой-то что еще надо?

Перезванивать не стал. Обойдется... В очередь пусть встанет.

Волков – кретин еще тот, но в чем-то он прав: бабам многое позволять нельзя.

Новый звонок.

Наметанный глаз сразу отметил, что с того же номера мне уже несколько раз звонили.

Ответил.

– Декабрин Георгий Николаевич? – поинтересовались довольно вежливо.

– Он самый. Вы кто?

– Вас беспокоят из отделения полиции номер четыре, мое имя... бла-бла-бла... номер служебного удостоверения... бла-бла...

Я пропустил мимо ушей часть тарабарщины, зная, что мозг запомнит эту информацию без моего участия.

– Беспокою вас по поводу супруги, Мартины Энгельсовны.

Максимальное внимание. Волоски на коже – дыбом. Кажется, я даже дыхание начал контролировать.

– Слушаю.

– Ваша супруга в отделении находится. Вы не могли бы за ней приехать? И нужно решить, как нам поступить с заявлением... на нее.

– С каким заявлением?

– Есть заявление на вашу супругу.

– Ближе к сути предъявы!

– Она сожгла машину.

Я чуть не подавился воздухом.

– Какую? Чью?!

– Заявила некая Людмила Шилова. В отделении можно узнать все подробности, – добавил вежливо мент.

– Скоро буду.

А вот теперь пора перезвонить Людмиле, чтоб ее, Шиловой.

Отвечает мгновенно. Ждала.

– Ахуела, что ли? Заявления на мою катать? Живо мухой метнулась и забрала свои всратые бумажки!

– Георгий, послушай... – всхлипнула Людмила. – Она... Она... Машину мою сожгла! Новую... Ту самую... Опозорила меня! Я же тебе звонила. Много раз... Ты не отвечал! А она... Вместе с этой Риткой долбанутой. Всегда знала, что

по этой Ритке психушка и смирительная рубашка плачут!
И Мартина туда же! Две идиотки!

– За языком следи. И заявление заberi. По-хорошему. Сама.

– Георгий, я не виновата. Она сама... Моя машина сожжена. Испорчена. На чем я теперь ездить буду?

– Есть такая услуга – такси.

– Такси... Вот еще! Не наездишься, кучу денег каждый день прокатывать? А у меня с деньгами сейчас туго, Георгий.

– Чего ты добиваешься? Заявления в любом случае не станет, как только я появлюсь в ментовке.

– Но почему?! Почему... Георгий, ты даже не знаешь, что случилось! Даже не разбираешься. Я все понимаю, понимала, что она разозлится. Но это... Это уже перебор! Понимаешь?!

– Понимать должна ты.

– И что же я должна понимать?

– Знай свое место, – отключился.

Савелий на заднем сиденье автомобиля громко зааплодировал мне.

– Молоток!

Я даже внимания не обратил. Гораздо больше меня занимал вопрос, как так вышло. Не могла моя спокойная жена сжечь чью-то машину! Не могла...

Или могла?

Людка-то по-настоящему выла. Неподдельно...

Глава 6

Мартина

Ничего не предвещало беды...

Рита предложила отомстить Людмиле. Идея показалась мне гениальной – почти как все идеи, которые прозвучали в этот пьяный вечер. Признаюсь, я устала, хотела спать и была готова на все, лишь бы поскорее проводить этот день и начать новый.

С чистого листа.

Новая я...

Мы добрались до двора дома, где жила Людмила.

– Недалеко от нас живет, как удобно, – проворчала я, посмотрев на окна квартиры Людмилы.

Там не горел свет.

– Говорю же, ее дома нет! Охает под твоим муженьком, зад ему подставляет или все другие дырки по очереди, – произнесла Ритка, зевнув. – Слушай, а у тебя ноги не подмерзли еще?

– Подмерзли немного. Заморозки обещали. Давай уже поскорее избавимся от этого мусора и по домам! – предложила я. – Завтра будет новый день.

– Новые мысли. Новая ты! И прощать козла не смей... Устрой ему интересную и насыщенную программу, чтобы сам от тебя сбежал и умолял дать ему развод.

Я промолчала, не знала еще, как все обернется.

– Сынишка в отце души не чает. Плевать на себя, а Миروشка... Как с ним быть?

– Твой бугай о сынишке подумал, когда Людку в зад наябничивал на вашем супружеском ложе любви?! – поинтересовалась Рита.

– Не наябничивал вроде, я помешала. В общем, не важно! Все, давай уже сожжем...

– Или выбросим? – засомневалась Ритка. – Слушай, я уже что-то запуталась... Мы столько идей перебрали, пока дошли.

– Перебрали, с этим я согласна.

Я медлила перед совершением мести. Мой взгляд прошелся вдоль машин, что были припаркованы во дворе. Новая машина Людмилы стояла особняком от всех.

– Паркуется хреново! – фыркнула я. – Где только деньги нашла на новую тачку? Вечно жалуется, что у нее ипотеки, кредиты, сестра больная, куча платных секций для ребенка.

– Ах, ты посмотри! – ахнула Ритка, выбросив вперед руку. – Машина у нее новая, говоришь? Это ее машина, что ли!

– Да, мне хвалилась недавно. Я тебе не говорила?

– Нет! Но зато я знаю, откуда у нее машина взялась. НА-СО-СА-ЛА!

– Что?

– Насосала у Гошки твоего, я тебе говорю! Все признаки налицо.

– Какие?

Я подошла поближе, посмотрела на машину. Иномарка не из салона, как говорила Людмила, но марка очень популярная, заметная. Машина ярко-красная, выглядит как конфетка!

– Я на одну сосалку подписана...

– На кого ты подписана? – уточнила я.

– На блогершу одну. Эскортница, говорит. Так вот, она у одного мужика на точь-в-точь такую же машину насосала. Смотри!

Подруга кое-как загрузила блог, показала мне пост, где эскортница хвалится презентом за ночь, проведенную с мужчиной. Такая же машина! И цвет, и марка, и все-все-все!

– Говорю тебе, эта машина – визитная карточка всех минетчиц!

– Вот же сучка! – выпалила я, пнув колесо машины. – Гадина!

– Еще какая... Сколько ты лет в браке с Гошей, мамань? Сколько вы лет вместе?

– Много! – трясаясь от гнева, произнесла я. – Если считать с момента, как начали встречаться, то есть, как он заявил, что я – его, почти десять лет.

– Почти десять лет, и ты всего лишь на ниссан жук насосала? Тьфу, ты чем занимаешься в спальне?! Цветы на обо-

ях считаешь?! – ахнула подруга. – Ужасно! Ужасно... Может, мы тебя на курсы оральных ласк запишем? Тренажер ты уже купила... Вот заведешь себе хахалю, насосеешь на яхту и умчишь с ним на яхте в закат на зависть Гоше, а он пусть и дальше трахает все, что плохо лежит...

– Все, хватит!

Я вытерла слезы обиды.

– Помада есть?

– Конечно!

– Давай, Рита! Сделаем это. Расстилай простынь, напишем **«ЛЮДМИЛА – ШЛЮХА!»** Обольем и подожжем!

– Чем обольем?!

– Так... Так... Соображай, Мартина, соображай! ВО-О-О!

Тыкаю пальцем в сторону супермаркета, расположенного напротив.

– Все, Рита! Вот тебе мои помады, ты пока пиши, а я куплю жидкость для розжига. По-любому есть!

Пока я сбегала в супермаркет, Ритка, стоя на корточках, исписала простынь, пододеяльник и наволочки, истратив все наши тюбики помады, блеск для губ и даже пустила в ход завалившийся на дне сумочки черный маркер.

– Все, готово!

– А зачем так много и везде, Рита? – ахнула я.

На простыни было написано **«ЛЮДМИЛА ШЛЮХА!»**, на наволочках тоже что-то нацарапано.

– Чтобы все поняли, про кого шла речь! Простынь подожжем, а пододеяльник на ее машину положим, кирпичиком прижмем. Вернется она, а тут... Во!

«СОСИ В АДУ!» – прочитала я кривую надпись на пододеяльнике.

Даже мысли не было, что это перебор. Я расштатала один из кирпичей, который стоял боком в рядке возле подъезда в качестве украшения, а потом с довольным видом оставила несколько глубоких царапин вдоль всей машины. Рита в это время щедро плеснула жидкость для розжига, в запале облив все, что было!

Рита намотала на какую-то палку одну из наволочек.

– Давай! Жги!

Я чиркнула зажигалкой, пламя взметнулось слишком быстро и слишком резко! Жидкость для розжига была очень активной. Огонь буквально взлетел вверх по тряпке, палке и перебрался еще дальше!

– А-а-ай!

– Боже! Ритка... Ритка, ты горишь! Бросай! Бросай! – завопила я, увидев, как рукав куртки подружки тоже занялся огнем.

Подскочив к подружке, я выбила импровизированный факел из ее рук, он полетел в сторону машину и... ВЖУ-У-УХ!

Простыня с надписью «СОСИ В АДУ!», которой была заботливо укутана машина, загорелась моментально.

– Охрене-е-еть! – ахнула я. – Машине конец! Лак автомо-

бильный уже скручивается от огня!

– Ой... Кажется, перестарались. Может, тушить будем?

Внезапно машина Людмилы начала орать, как сумасшедшая. Включилась сигнализация.

От писка сигнализации и другие машины тоже вопить начали. Мгновенно начали загораться светом окна:

Загорелся и балкон Людмилы.

На балкон выскочила фигурка в халате золотистого цвета и завопила голосом нашей бывшей подруги с высоты третьего этажа:

– Мартина?! Рита?! Вы что творите? Совсем обалдели! Моя машина! Моя машина... Я полицию вызову!

– Нет, лучше Жоре! ЖОРЕ ЗВОНИ! – крикнула я в ответ. – Пусть спасает! А я посмотрю... Пошли, Рита! – потянула ее на лавочку.

– По домам?

– По домам отменяется. Я хочу посмотреть, как этот говнюк прилетит спасать тачку, которую он купил любовнице.

* * *

Мы ждали-ждали, собрались многие: возмущенные жильцы, зеваки и даже любопытные дворовые коты, наблюдающие за происходящим из-за безопасных кустов, но Гоша Декабрь не прилетел спасать имущество подруги.

Увы, не увидела я, как Гоша Людмилу успокаивает, но за-

то заметила, как жильцы бурно обсуждали надпись на одной из уцелевших наволочек «ЛЮДКА ИЗ 19 КВ – ШЛЮХА». Вот, еще и адрес указан... Всем сразу стало ясно, о какой Людке шла речь. Она, к слову, реально вызвала полицию и написала заявление.

Прилетели патрульные и отвезли меня и подругу в уже знакомое нам отделение полиции.

– Мартина Энгельсовна? – не поверил своим глазам дежурный.

– И снова здравствуйте...

– Что делать будем, а? – поинтересовался Толя, второй полицейский. – Второй раз за ночь... Можно было камеру вообще не закрывать.

– Камеру-камеру... Башкой думай, Толя. Крайними в любом случае окажемся, если не сообщим и засунем ее в камеру. Декабрь разведет, связи задействует, а по шапке мы получим. Все. Звоним ее супругу. Пусть решит это недоразумение и уgomонит свою супругу. На, звони! – протянул телефон.

– А почему сразу я? Ты сам... Сам звони!

– Ссыкло. Давай я...

– Звони. А этих куда?! В камеру?!

– Ты меня слушал?! Нет, кажется! Камера уже занята. Улов бомжей и проституток. Нельзя супругу Декабрина с таким контингентом закрывать. Опять же... Так что в кабинете начальника запри! – махнул полицейский.

– В кабинет начальника? Их?! – уточнил Толя, осмотрев нас. – От них гарью несет. Весь кабинет провоняют!

– Это ты воняешь, Толя, когда в обед нажрешься вареных яиц с огоньком и аджикой, а дамы всегда благоухают. В данном случае они благоухают... э-э-э... запахом огня. Прошу, дамы... Пройдите в кабинет! Присаживайтесь на диван или кресло...

– Не хочу в кабинет! И мужу звонить не надо! Я лучше пятнадцать суток отсижу или штраф заплачу! – возразила я. – Оформляйте!

– Пятнадцать суток? Штраф? Нет, Мартина Энгельсовна, ваше правонарушение с порчей дорогостоящего имущества потянет на куда больший срок. Так что подождите немного... Уверен, скоро все решится.

Нас все-таки затолкали в кабинет и закрыли на ключ. Ритка села на кресло и прижала к груди покрасневшую руку.

– Болит, зараза! – всхлипнула она. – Еще и руку обожгла, все из-за этой Людки. Сучка... Что теперь будет?

– Если до Гоши дозвонятся... Честно, не знаю. Он крут на расправу. Ментов на дух не выносит! Но с другой стороны, мы крупно поссорились. Может быть, он даже не придет. Не хочу, чтобы приезжал!

– Не гони, Мартина! Слышал же, что тебе сказали! Порча дорогостоящего имущества на больший срок тянет. Пусть муж тебя вытащит, используй его чертовы связи ради своей пользы!

– Нет!

– Хватит упрямиться! Подумай сама... Если закроют тебя в камере, срок повесят в несколько лет! Людка за это время не то что твоего мужа, она еще и сына твоего к своим рукам приберет, – заявила подруга.

Меня аж протрясло мгновенно! Возмущение поднялось к горлу!

– ЧТО?! Моего сына?! Ну уж нет... Сына я ей не отдам! Я его пятнадцать часов рожала, я с ним первый год вообще не знала, что такое сон! Я по датам знаю, когда какой зуб у него вылез! Это МОЙ СЫН! МОЯ СЕМЬЯ! Пусть только попробует, я эту гадину голыми руками придушу и из подлой предательской шкуры этой змеюки сделаю ремешок для брюк! – я сердито подошла к двери и постучала, потому что нас заперли снаружи. – Извините, а вы не могли бы звонить Декабрину Георгию поживее! Пожалуйста...

– Не отзывается, – прозвучало издалека.

– Значит, позвоните еще раз. А потом еще и еще... До тех пор, пока он не ответит! – потребовала я.

– Звоним.

– Незаметно! Пошевеливайтесь там! Или... Или мы возьмем кабинет вашего начальника в заложники! – добавила я. – Устроим здесь погром! По-любому, за бардак прилетит именно вам! И за то, что открыли кабинет, не позвонив начальнику!

– ЧТО?!

– То самое. Начну с самого ценного: фото вашего начальника с рукопожатием президенту Будину Виктору Викторовичу! – я немного криво повесила портрет.

– Не надо трогать портрет! Не надо там вообще ничего трогать. Просто дождитесь появления супруга. А хотите, хотите... чай?

– С плюшками? – поинтересовалась Ритка.

Я шикнула на нее. Подруга развела руками:

– А что? Меня после выпивки всегда на сладкое тянет.

– С шоколадными конфетами.

– Хорошо, – согласилась я. – Давайте свой чай с конфетами, но учтите...

Для устрашения я толкнула стул и попинала урну.

Чай принесли почти сразу же. Подавал Толя, второй полицейский. Он заметил, что портрет криво висит, урна стоит не там, где надо, и стул валяется на боку. Оставив чай, он быстро ретировался и громко поделился наблюдениями с товарищем.

– Слышь, ты звони быстрее. Там начинается...

– Звоню! Звоню! Он как глухой, на вызовы не отвечает!

Аж в пот прошибло.

– Звони! Может, есть другой способ связаться? Надо что-то делать! Я только что понял: если и генералу хуем по лысой башке досталось... Ну их нафиг... Надо держаться по-дальше!

– Звоню! Не нагнетай! И так чувствую, что погоны слета-

ют.

– В охранники пойдем. Вместе...

– Заткнись, пожалуйста, Толя. О, перезванивает! Тишину поймали. ВСЕ!

Через минуту разговора в дверь кабинета постучали и сообщили:

– Декабрин едет в участок.

Черт...

* * *

– А хорошо здесь... Кресло удобное! – сказала Ритка, прихлебывая горячий чай с конфетами.

Я придерживалась диеты без сахара. Но какая уж тут диета, плюнула на все и тоже съела несколько штук конфет, томась в ожидании.

Когда вдалеке загромыхал голос Декабрина:

– ГДЕ ОНА?! ГДЕ МОЯ ЖЕНА?!

Внутри что-то привычно затрепетало, екнуло, я даже подскочила и начала поправлять одежду, приглаживать волосы, но потом резко одернула себя и села на диван. Забросила ногу на ногу, стала ждать.

Ритка тем временем собрала фантики съеденных конфет, дохлюпала остатки чая и зевнула:

– Как же спать теперь хочется! Завтра на работу не выйду, надеюсь, новенькая не накосячит без меня. А ты? Спо-

койно так держишься! Еще злишься на мужа? Или уже выпустила пар?

– Нет, я не злюсь. Я разочаровываюсь.

– Звучит страшнее, чем злюсь, – вздрогнула Ритка. – Интересно, что Людка будет делать.

Договорить мы не успели. Дверь распахнулась. На пороге стоял Гоша Декабрин, мой супруг, отец моего ребенка.

Мужчина, которого я много лет любила, а теперь не знала, стоил ли он моей любви, смотрел только на меня, поедая взглядом.

Безмолвно. Но с потрясением.

Глава 7

Мартина

– Ты... – проговорил сипло, откашлялся.

Декабрин снова посмотрел на меня, перевел взгляд на мои ноги в сапожках. Ультракороткое платье обнажило ноги, бедра... Я даже попой в тонких колготках чувствовала прохладу кожаного дивана!

– Домой поехали, – добавил Гоша, продолжая пожирать мои ноги потемневшим взглядом.

Разумеется, он это платье узнал! Он вообще обладал очень хорошей памятью...

Я не стала вставать, сидела упорно. Гоша метал на меня собственнические взгляды, хрустел челюстями.

Время утекало в никуда.

В кабинет осторожно заглянул Толя. Декабрин заскрипел зубами и сбросил с плеч пиджак, принялся прикрывать мои ноги.

– Мне не холодно, убери! – закапризничала я.

– Прикройся, ты же мать!

– Мать тоже хочет отдыхать! – парировала я и, скинув пиджак, пригвоздила его каблуком к полу.

Гоша несколько раз провел ладонью по коротким волосам, выдохнул мирно:

– Манюнь, ты меня слышала? Уже поздно. Поехали домой.

– Дом – это там, где любят, хранят тепло очага и супружескую верность. Это – дом. А у нас с тобой не дом, а так... хата... Жилище... Место, где можно перекантоваться! – заявила я. – Иди. Я выйду сама.

Гоша не шелохнулся.

– Пошли. Иначе с диваном вынесу.

– Нет. Здесь очень уютно, диван классный. У начальника хороший вкус.

– Я этот кабинет с землей сравниваю. Не на чем сидеть будет.

– Мартина Энгельсовна, пожалейте государственное имущество, – жалобно подал голос Толя. – Оно раз в тридцать лет обновляется! Если не реже...

– Мартиш, ну чего ты упрямишься! Пошли! Конфеты же были вкусные, ребята гостеприимные, веселые, но нам пора и по домам! – позвала Рита.

Она на удивление больше не хорохорилась, не раздувала конфликт и не науськивала меня. Наоборот, вела себя так, словно хотела сгладить острые углы.

– Ладно. Я пойду! Но только потому что мне «Мишка на севере» попался, люблю эти конфеты, – добавила я и встала. – Выходим!

Пришлось протискиваться в дверях мимо мужа, который нарочно отошел, встал в косяке, как шкаф, и не шелохнулся, чтобы пропустить меня. Я задела его всем, чем можно было: грудью, животом, бедрами.

Декабрин опустил взгляд, его кадык дернулся, от короткого контакта воздух как будто напитался тропическим ливнем и стало совсем нечем дышать.

– Посиди минутку, пожалуйста. Я поговорю с людьми, – добавил он и двинулся к полицейским. – Отблагодарю.

Рита взяла меня под локоток и отвела в сторону. Я села в кресло, подруга не стала садиться, перетаптывалась с ноги на ногу, держа под мышкой пурпурный член.

Невольно я прыснула со смеха.

– Ты что, фаллос до сих пор с собой носишь?

– А где твой?

– Ой! Даже не знаю. Может быть, оставила где-то.

Наш разговор прервался появлением высокого, темно-волосого мужчины с колючим, цепким взглядом. Он был в брюках и пиджаке, наброшенном на голое тело. Туфли расшнурованы.

Я сразу узнала одного из лучших друзей Гоши – Савелий Волков, он же Волк.

Кажется, Гоша точно зависал в сауне со шлюхами, потому что Волк и овцы, то есть продажные девки, это понятия неразделимые. Ни разу я не видела его в обществе девушки или женщины, которую, даже закрыв глаза, можно было бы

назвать нормальной.

Что греха таить, Волка я откровенно недолюбливала. Из близких друзей Гоши мне больше импонировал Котов, он же Кот, и то, наверное, потому что Гоша виделся с ним крайне редко.

Но Волк же...

Почти всегда рядом с моим мужем, всюду рыщет и даже до ментовки несчастной следом за Гошей приперся.

– Доброй ночи, Мартина, – поздоровался Савелий.

Я показала ему средний палец и отвернулась. К черту ма-
неры...

– Ясно, – усмехнулся он. – Гоша там? Разводит?

Я снова ничего не ответила, зато Ритка голос подала. Она разглядывала Савелия Волкова во все глаза.

Я вдруг вспомнила, что Ритка с Савелием в одной компании раньше не пересекались. Я вообще считала своих подружек теми, которых некоторых друзья Гоши недостойны даже видеть! Не то чтобы знать и знакомиться ближе...

Мне захотелось набросить подруге на глаза черную повязку, чтобы она ничего не успела увидеть.

Савелий мужик красивый, но дрянь редкостная. Токсичная отравка...

– А вы кем Георгию Декабрину приходитесь? – поинтересовалась Ритка. – Знакомым? Приятелем?

– Бери выше, краля. Я его друг, – приосанился Савелий, выставив мощную грудь и красивый пресс.

– Ох, даже друг!

Ритка подошла к Савелию и обратилась к нему елеинным голосом:

– Скажите, если вы друг Георгия, вас, наверное, тоже привлекают горячие девушки, без стыда и стеснения готовые на все?

Ой, Ритка... Ты что творишь?!

– Горячие и готовые на все? – протянул Савелий.

– Так привлекают или нет? – напористо спросила Ритка, приблизившись к Савелию, почти упершись плечом в его руку.

Он с аппетитом прошелся по фигуре подруги, плотоядно ухмыльнулся, но вдруг отодвинулся.

– Ты... эт самое... не тычь в меня... хренотенью всякой!

Во время тесного контакта Рита, кажется, забыла, что держала под мышкой пурпурный член, который и ткнулся в предплечье мужчины. Ритка взвесила пурпурный член на ладони.

– Вас напрягают фаллические символы?

– Это не символ, это и есть самотык настоящий! Держи его от меня подальше!

Рита спрятала член в сумочку, но толстая головка не поместилась и все-таки выглядывала. Савелий увидел это, гоготнул, привалился плечом к стене и снова обратил внимание на Ритку.

– Что ты говорила о самочках?

– О дамочках. Готовых на все-все-все!
– Ну так... – облизнул губы Савелий. – Продолжай!
– Телефон есть?
– Само собой... Свиданку замутим?
– Записывайте! – выдохнула Ритка. – Я вам такую девушку посоветую! Золотой клад для мужчины, желающего трахнуться от души. Умница, старательная, не требовательная. Все-все может. В рот берет, в зад дает... – принялась нахваливать. – Записываете? Записывайте же! – выдохнула она и...

Продиктовала НОМЕР ЛЮДМИЛЫ!

– А еще... Еще...

Кажется, у Ритки кончился запас идей.

– А еще отправь этот номер десятерым друзьям и получишь одну ночь в подарок. Олл инклюзив. Любой разврат! – от души добавила я.

Савелий забил номер, а потом вдруг поинтересовался тихим голосом:

– Красотки, вы тут на двоих бизнес с девочками мутите, что ли? А я-то думал, че там за бизнес у жены Декабря. Массажный салон для деток, говорил! Ха... Ширма – не придерешься!

Савелий спрятал телефон в карман.

– Это все понятно, друзьям телефончик отошлю. Но что насчет свиданки? – уточнил у Ритки.

Она выпучила глаза, сделав их огромными, и спросила

недоверчиво.

– Это вы мне?

– Тебе-тебе, – кивнул Волк и поднял руку, заправив прядь волос за ухо подружке, скользнул пальцами по щеке, стер большим пальцем пятнышко копоты.

Ритка покраснела и попятилась.

– А я... А я... А я на свидания не хожу!

Ритка дала стрекача как можно дальше от Савелия, присев на подлокотник кресла, прячась за мной.

Но уже поздно... Этот похабник обнаружил цель и сверлил Ритку издалека бесстыжими глазами.

– Ты ничего такая, есть на что посмотреть. Почему не ходишь на свидания?

– Не хочу и не хожу, – ответила подружка сдавленно.

Я опустила ладонь на ее колено, в знак поддержки.

Савелий подобрался поближе, буквально подплыл, источая ауру соблазна и грязного секса, придержал пальцы на ремне, подчеркивая красивое тело и четкий пресс.

– Всегда можно сделать исключение... – предложил он соблазнительно.

Я разозлилась.

Одна нормальная подружка осталась и та под прицелом шлюхоеба! Не дам...

– Разумеется. Можно. Вот Рита тебя и исключает из списка мужчин, с которыми бы она хотела сходить на свидание! – прочеканила я и встала, закрыв Ритку. – На мою подружку да-

же не смотри, санитар леса... Санитарь среди своей привычной среды! А сюда свою санитарилку совать не смей!

Савелий Волков пересекся взглядом с моими глазами, выдержать его взгляд было сложно очень. К счастью, долго держать оборону мне не пришлось, появился Гоша.

– Раскидал. Поехали. Ты... – посмотрел на Савелия. – Подбрось подругу жены до дома.

– С огромным удовольствием! – этот гад аж ладони потер.

– Рита поедет домой на такси. Я хочу проводить ее до квартиры, как раз нужно забрать...

– Сковородку блинную, – подсказала Рита.

– Да, сковороду блинную.

– У нас вроде есть сковородки.

– Такой точно нет. Я знаю, что говорю!

Мне было важно знать, что Рита доберется до своей кровати без приключений, а что касается меня...

Мне еще предстояло отстаивать свою честь и крепче держаться за трусы, спасаясь от посягательств мужа...

* * *

Гоша Декабрь

Как долетел до ментовки, сгорая от думок, помнил

с трудом. Едва взглянул на приземистое здание, захотелось на него плюнуть и растереть плевков так основательно, чтобы на месте него осталась только кучка строительной пыли.

Вылез из машины, полыхая гневом праведным.

– Ты здесь сиди! – остановил друга.

– Почему?

– На всякий случай.

– На какой?

– Бесишь ты меня сегодня, откровенно говоря. Не хочу, чтобы твоя рожа нервировала меня еще больше.

– Тебя или жену твою? – оскорбился Савелий. – Думаешь, я не заметил, что она меня не выносит? Науськивает тебя, небось, другана своего закадычного бросить! Настроена против чисто мужских посиделок... Знаю я этих баб! Как мужика огребут в сети брака, так сразу давай его строить! Под каблук, нах! Под каблу-у-ук!..

Смотря, как активно возмущался Волчара, неожиданно для себя я заржал.

– Тебе-то откуда знать, Волк? Ты сам женатым не был и не знаешь, каково это, выбрать себе спутницу, любовницу и друга в одном лице.

– Долбоебизм какой-то! Нельзя дружить с тем, кого трахаешь. Нельзя – и все тут. Иначе бы кругом были одни пидарасы заднеприводные...

– Ха. Необязательно быть заднеприводным, чтобы быть пидарасом. Шувалова помнишь?

– О, скажешь тоже! Пидарасина! Король всех пидарасов...

– Ага, а с ориентацией у него все норм.

– Ты с темы съехал, в курсе? Все, чтобы моим фейсом перед женушкой не светить? А-а-а... – хохотнул. – Кажись, я знаю, в чем тут соль.

– Ну?

– У вас, кажется, разлад намечается. Нет ничего лучше, чем в такой острый момент перепихнуться с другом мужа или с подружкой жены. Мстя в квадрате. Мой член сейчас как леденец для сладкоежки... Как сладкий нектар для...

Слушать не стал!

Вылез, хлопнул дверью, показал другу кулак.

Заболтал меня, нахрен! А я, тем временем, беспокоюсь крайне сильно.

Вошел твердым шагом. От взгляда, полного напряжения, даже хваленые решетки на двери едва не оплыли.

– ГДЕ?

– Добрый вечер. Мартина Энгельсовна... у нас... – едва слышно пробормотал полицейский с чайником в руках.

При виде меня он поспешил юркнуть подальше с глаз.

Второй же вздохнул едва заметно, но остался на месте, представился. Я снова не запомнил его имени и звания.

– Где моя жена?

– Пришлось задержать Мартину. Было много свидетелей, есть заявление!

Людка, шукура... Сказал же, забери заявление! Не хочет по-хорошему?

Однако развернуться во всю ширь моему возмущению не удалось.

Позади послышался стук каблучков.

– А вы кто? – с интересом спросил полицейский, посмотрев мне за плечо.

– Ситцева Людмила Евгеньевна, – раздалось за моей спиной.

Я обернулся.

– Что-то ты не больно торопилась, Людмила.

– Одеться надо было. Такси ждала долго! – отозвалась она, приложив платочек к покрасневшему носу. – Я хочу забрать свое заявление.

– Так вы его только подали! – удивился полицейский с чайником.

– Анатолий, помолчи! – шикнул первый.

В руках Анатолия чайника уже не наблюдалось, но я все равно окрестил его про себя Чайником.

– Подала заявление, все верно. Но вопрос урегулировали мирным путем. В заявлении больше нет необходимости, – грустно произнесла Людмила.

Она посмотрела на меня затравленным взглядом, будто снова жаловалась, как давеча, когда помочь просила, готовая на все.

– Хорошо. Вот вам ручка, вот вам бумага. Напишите, что

хотите отозвать заявление, что претензий к уважаемой Декабриной Мартине Энгельсовне не имеете, и можете идти. Я продиктую, что писать...

Я решил подождать. Проконтролировать, чтобы все было записано и чтобы Людки след простыл в момент, когда буду забирать Манюню. Не ожидал я, что она машину спалит... Мало ли... Вдруг кинется космы Людмиле выдирать или чего похуже? Нет, на мою жену непохоже. Она всегда была выше мелочных склок и разборок, но времена проходят, а люди... Люди меняются. Вопреки...

Людмила села за скрипучий стол, схватила за ручку, готовая под диктовку писать, и вдруг уточнила:

– А обязательно писать, что я не имею претензий к «уважаемой Мартине»? Вот это слово «уважаемая»... Обязательно?

Я метнул в сторону Ситцевой тяжелый взгляд, она съежилась, вжавшись в стул. Мент, под чью диктовку она писала, мгновенно понял намек, ткнув пальцем в лист:

– Рекомендую написать слово «глубокоуважаемая»...

А молодец он, смысленный! Хорошо схватывает... Хоть и мент, но на человека похож! Даже с мозгами...

Людмила быстро начиркала, что от нее требовалось, еще раз посмотрела на меня печальным взглядом, только раздражала меня больше и больше.

– Иди уже, – поморщился я.

– Георгий, так не должно было случиться.

– Вот только не надо, а... Святоша, блять. В красных стрингах. Шуруй живее отсюда!

* * *

Убедившись, что Людмила вызвала такси и уехала, я обратился к шустрому.

– Моя жена. Где она? В камере закрыл? Отвечай!

От грозного голоса шустрый чуть побледнел.

– Помилуйте, – прохрипел он. – Разве я позволил бы себе предложить даме камеру? Это чистый кабинет! – махнул рукой.

– Кабинет.

– Да, кабинет начальника. Пришлось постараться, чтобы не привлекать лишнего внимания к вашей супруге. На нее еще и генерал, знаете ли, зуб заточил...

Не поверил своим ушам.

Генерал?!

– А этот петух старый на что жалуется?! Каким боком он вообще... к моей жене?! – рявкаю, стиснув кулаки.

– Если я расскажу, не поверите. Давайте я покажу. Есть видео. Только никому не говорите, что оно у меня есть, – добавляет мент шепотом.

– Показывай уже!

Я несколько раз видео пересмотрел. Клянусь.

Испытал весь спектр эмоций и выдал целую порцию емких выражений от «Ох, бля...» до «Ебать, шикардос!»

На видео была она – моя. Манюня... Колошматила лысого пузатого генерала по лысой башке черным дилдо и выговаривала ему о приличных женщинах, матерях семейства, которых трогать нельзя, и вообще им отдохнуть иногда тоже хочется! Нечего свои кривые руки тянуть.

Моя...

Не просто импульсивная и жаркая. Огнище, блять. Просто огнище!

Удивился. Загордился. Возбудился.

Моя женщина!

Посмотрел на дежурного.

– Перешли мне. Живо! – назвал свой номер.

Это видео должно быть в моей коллекции. Только МОЯ такое отчебучить могла, не без помощи своей подружки, конечно. Но все же...

Еще бы платье было подлиннее! А то все на нее пялились!

Это платье...

Я хорошо помню. И платье, и секс, и то, как оттраханная, сытая Мартишка согласилась от этого платья избавиться.

Но не избавилась. Так, что ли!

Оставила.

Ебать-ебать, какое оно короткое!

Какая она в нем секси-зажигалочка... Девочка просто! Девчуля моя тонкая... Сколько лет в браке, ребенок есть, а она до сих пор на фигурку тонкая и такая ладная, что член привстал и начал жестко таранить ширинку, долбить в нее концом, словно молот в наковальню.

Кипяток по венам.

Резкий выброс желания.

Мне нужна эта женщина. Немедленно.

Глава 8

Гоша Декабрь

– Выпускай, – скомандовал я. – Прямо сейчас. Если будут проблемы с генералом, живо сигналъ. Разберусь...

– Пройдемте! – просиял, как начищенная пуговица, мент. Казалось, морально был готов. Увидеть с женошкой. Знал же, в каком она виде.

Но как увидел, чуть не поперхнулся.

Сидит, красоточка, на кожаном диване начальника ментовки, неспешно чаек потягивает. С подгоном в виде шоколадных конфет на блюдечке. Знаю, что выбрала она, как всегда, те, что с вафельками, или батончики хрустящие.

А ножки... Ножки длинные. Щиколотки узкие, икры точеные... Как люблю, когда эти ножки на моих плечах, а *крошка* течет, принимая на всю длину эрекции.

Интересно, на ней колготы или чулки? Кажется, все-таки колготы, потому что не видно кружевного края чулка.

Но какое же, блять, короткое это платье. Тряпочка просто. Едва писю прикрывает, *крошку* мою...

А попка-то, видимо, на порку напрашивается. Хорошую... Зачем такое платье надела?!

За спиной послышался звук шагов и дыхания. Дежурные замерли.

– Домой поехали, – предложил я жене мирно.

Игнор. Ноль внимания.

От смеси возбуждения, ревности и душащего желания обладать, проучить едва соображал. Как только на человеческий разговор вывел, не знаю. Чего мне это стоило – титанического напряжения всех мышц и силы воли, собранной в мощнейший кулак.

Однако, когда Манюня мимо меня протискивалась, едва не сорвался.

Ее грудь чиркает об меня провокационно – пылать начинаю.

Бедра к бедрам – выдержка оплавилась.

Острый, с вызовом, взгляд.

Глаза в глаза – аврал.

Понимаю, что, если задержимся, кабинет начальника пострадает не от погрома, а от выброса мощнейшего сексуального напряжения.

У нее дыхание частое и, готов поспорить, соски торчком...

С гудящей головой, зудящим стояком я все-таки выдержал пытку дорогой. Когда вызвали такси, произвели рокировку, отправил на такси Волка восвояси, отвез подругу Ритку до дома. Поднялся следом за женой, которая упрямо за сковородкой отправилась.

Блинной.

Блинами меня с утра порадовать захотела? Я только «за». Сам же готов ее *крошку*, щелочку узенькую, сегодня порадовать, начинить хорошенько первоклассными оргазмами.

Как только сел в тачку, жена – рядом. Я мгновенно потянулся к ней и руками, и сердцем, и членом торчащим, но к щеке прикоснулся холодный металл.

Дно сковороды крепко прижалось к лицу.

– Гоша. Станешь меня в машине лапать, сковородкой получишь, – пригрозила Манюня, держа сковородку у моего лица.

– Уверена, что это блинная сковородка? Какая-то она слишком здоровая... Будто чугунная! Манюнь...

– Цыц! – зашипела, крепче прижав дно сковородки к моей щеке. – Какая рожа у нахала, такая и сковородка.

– А я по твоей *крошке* соскучился. Приласкал бы... Завел с полуоборота и довел до финала...

Манюня задрожала и отвернулась, но задышала чаще.

Покачала головой в знак отрицания.

– Значит, в машине нельзя.

– Нельзя.

Ок, *в машине* нельзя.

Я тебя в коридоре сразу же отлюблю, как следует...

Мартина сидела напряженная, в салоне висела густая тишина. Разумеется, потренькивало радио, но эти раздражающие звуки не значат ничего, когда между мной и Манюней –

пустота и не сказано ни одного слова.

Перебираю в голове темы для разговора. Все кажутся не особо удачными. На каждой из них можно напороться на сложную тему: Людка, я и все то, что услышала Мартина.

Так, может быть, и игнорировать не стоит?

– Как тебе пришло в голову машину сжечь?

– Ха, переживаешь, что дорого ремонт встанет? Такой пожар... Думаю, тебе новую машину купить придется. Может быть, еще шубу. Для Шиловой-Ситцевой Людмилы Евгеньевны.

Вот не зря у нее фамилия двойная, по бывшему мужу еще. Двуличная подруга, такая же двуличная, как ее фамилия. И Шилова, и Ситцева, называйся, как угодно! Так и в дружбе она поворачивалась той стороной, которой выгодно.

– Купи шубу. У Людмилы уже не новая. Порадуй ее, она в ответ тебе сосать будет усерднее!

– Манюнь, прекрати! – добавил мирно. – Оставим эту тему. Давай о другом? О нас...

– Давай оставим, – согласилась Мартина и крепче сжала пальцами ручку сковородки.

– Я по тебе жесть как соскучился! – признался. – Когда у нас секс зажигательный был в последний раз? Помнится, раньше тебя с моего члена снять невозможно было, объезжала до седьмого пота. А сейчас все на бегу и кое-как.

– Значит, тебе не хватает секса?

– Внимания твоего – тоже.

– А я что, по-твоему, мало внимания уделяю? Я работаю, занимаюсь сыном, его уроками, школой, секциями... Я убираю, стираю, готовлю... Это, что ли, не внимание?

– Это быт, бля. Где тут внимание к своему мужику? Где вот это все – кошечка, готовая пошалить? – в горле пересохло. – Вспомни, как иногда было! Вспомни! Одежду друг с друга срывали... А пятничные минеты? Еба-а-ать! – шумно выдохнул. – Всегда меня с порога ласкала, всасывала до глотки... Блять, идеально же!

– У нас семилетний сынишка. Что, мне при нем тебе сосать, извращенец?!

– Вот. Все твои отговорки. У нас сынишка. У нас работа. У нас заботы... – усмехнулся горько.

– Ох, посмотрите-ка на этого обделенного вниманием! Сам когда мне последний раз цветы дарил?! – вскинулась Манюня.

– На прошлой неделе.

– Что?! Врешь же! Не было такого!

– Кто, по-твоему, тебе букет пионов на работу прислал? Я, блять! Я!

Лицо Мартины изменилось. Воинственное выражение лица пропало, уступило место растерянному. Она как-то по-новому на меня посмотрела, с интересом, думая, так это или нет.

– Был букет. Но без подписи. Только сердечко в пустой открытке.

– И тебе это ничего не сказало?!

– Простите, по каракулям личность не определяю.

– Этот букет был точь-в-точь такой, какой я подарил тебе первый раз. А ты и этого не заметила. Ни намеков, ничего не замечаешь! Только носишься и носишься, как заботливая мамочка, а тем временем твой мужик в кулаке гоняет. Тьфу! Стремно... Пиздец как стремно... Устал я от тебя добиваться активности, Мартина. Ты же не только мать и хозяйка, но жена и любовница в постели...

– Я устаю.

– И почему ты устаешь? Самостоятельная, хозяйственная... Сама взвалила на себя многое! Вцепилась и не отпускаешь то, что может спокойно делать другой, например, нанятый спец.

Повисла тишина. Мартина прижала сковородку к груди, как сиротинушку.

– Все плохо. По-твоему, все плохо! – вздохнула она и потрянула огненными прядями. – А я, между прочим, хотела вечер провести вдвоем. Белье купила эротическое.

Я чуть слюной не подавился. Задышал еще чаще!

– Покажешь?

– Покажу, – согласилась Мартина.

– Я тебя затрахую сегодня. И в белье, и без белья...

– Только один вопрос. Ты...

Жена замялась.

– Нет, наверное, плохая затея... Забудь. Просто отвези

меня домой, и я лягу спать.

– Как это спать?! А белье? Нет уж, спрашивай, что хотела!
Прямо говори... Как есть...

– Ты Людку по-всякому ублажал? – замялась немного. – Там... тоже?

– Не понял.

– Ну там... – округлила глаза Манюня. – Там.

– Где?! – включил дурака.

– Там... – показала пальчиком на бедра.

– Живот, что ли?

– Нет!

– Ноги? Колени?

– Нет! Все не то.

– А что тогда?! Давай без намеков! Прямо скажи.

– Ты ей лизал?! – прямо выпалила Мартина. – Делал куни или нет! Все просто.

* * *

Мартина

– Ты ей лизал?! – прямо выпалила я. – Делал куни или нет!
Все просто.

Наверное, это самый дурацкий вопрос, какой только

можно было вообразить. Моя привычная жизнь рушится, как карточный домик, а все, что я спросила, – это вылизывал ли Гоша Людмиле, или нет.

Машина начала замедлять ход. Декабрин быстро перестроился и свернул, припарковал машину за неприметным поворотом.

– Что случилось?

Я крепче вцепилась в сковороду, начав беспокоиться.

– Зачем ты машину остановил?

Взгляд упал на мусорные баки слева.

– Намекаешь на что-то? Запугиваешь?!

– Что-о-о?! – взревел Декабрин, долбанув огромными кулачищами по приборной панели. – Как тебе вообще в голову такое могло прийти?!

– Я подумала первое, что пришло в голову, когда ты, криминальная личность, после моих слов тормознул возле мусорки. Типа, вот где ты окажешься... Вот, откуда тебя будут вылавливать по кусочкам.

– Ты жена! Мать нашего сына. Остановись. Христа ради! – прохрипел Гоша. – Сколько ты выпила?!

– Не так важно, сколько я выпила.

– Не считала?

– Там было не сосчитать!

– Оно и заметно! – выдохнул муж.

Он поискал в бардачке что-то, при этом, когда его руки проскользнули в опасной близости от моего тела, я еще уве-

реннее вцепилась в сковороду.

Гоша достал из бардачка сигареты и закурил.

– Не дыми в салоне! – попросила я, добавив автоматически. – Мы же планируем завести...

Я едва не сказала, «планируем завести ребенка».

Но быстро поняла свою ошибку.

Наша семья разваливается. В таком случае можно лишь минимизировать ущерб для уже имеющегося ребенка, а не заводить нового, в надежде, что это что-то изменит...

Взять тот же пример Людки. Ситцева Людмила встречалась с довольно перспективным парнем, вышла за него замуж и забеременела в момент, когда начались сложности. Хотела к себе мужчину ребенком привязать... Ничего не вышло. Муж оставил ее ради другой, не помогает с сыном, выплачивает алименты исправно, но по минималке.

Вот тебе и брак, Шилова-Ситцева...

Нет, я не хочу травмировать нерожденного малыша.

– Кури, сколько влезет.

Гоша, тем не менее, открыл окно и начал усердно дымить в него, едва выкурил одну сигарету, как сразу же за вторую взялся.

– У тебя же подготовка. Я помню...

– Подготовка к зачатию уже не актуальна! Я вообще хочу спираль поставить, – сказала я.

Гоша поперхнулся сигаретным дымом, закашлялся надсадно.

– Спираль? Что?! Зачем?

– Контрацепция. Чтобы не рожать детишек!

– Послушай, Манюня!

– Нет, это ты меня послушай!

Я бацнула сковородкой по приборной панели, оставив на ней вмятину.

– Мне тридцать один год, у меня есть семилетний сынишка и собственный бизнес, который от тебя ни одним грязным рублем не зависит. Я взрослая. Самостоятельная... Хватит называть меня Манюней. Телок так своих называй. Манюня, Маня, Зорька! Людка в этот ряд хорошо втискивается...

Я вновь сказала ему об изменах, но Декабрин из моей речи услышал кое-что другое.

– *Грязный рубль?! – переспросил Гоша и щелчком отправил недокуренную сигарету в окно, поднял его.*

Он опустил ладони на руль, сжав его пальцами крепко-крепко.

– Я все бросил. Мой бизнес чистый. Связи остались. Прошое не отрежешь бесследно. Но ты, помнится, ты говорила, что никогда меня прошлым не попрекнешь...

– Да мы вообще много чего друг другу говорили и обещали, – выдохнула я устало. – А теперь... Зачем оно все, а? Зачем, Гош? Устала я. Дай мне развод.

– Нет.

– Ну что ж, тогда на хату отвези. Посплю... Хоть какое-то удовольствие.

– Я тебе много удовольствия обеспечить могу. И то, о чем ты меня спрашивала, тоже! – помолчав, Декабрин добавил. – Я только тебе... Запомни! Первая и последняя. В этом. Единственная...

Суровый мужчина Георгий Декабрин дико смущался, когда первый раз делал мне куни. Даже покраснел... Откровенно говоря, он и потом ни разу этот процесс прямыми словами не означал.

Всегда прямой, грубоватый, с матерком выражающийся, про кунилингус он обтекаемо говорил: «приласкать крошку»...

После первого раза он пообещал, что я буду единственной, кого он так бесстыже ласкает. А я тогда потребовала, чтобы он на кресте поклялся, чтобы так и было. Всегда.

– Ну, может быть, может быть, и не так... В общем, я тебя освобождаю от этой обязанности. Можешь кому угодно и сколько угодно лизать. Хоть первой встречной, хоть второй встречной язык между ног засунуть...

Гоша закрипел зубами.

– Ты во мне знатного пиздолиза увидела, что ли!

– Я тебя таким словом никогда не называла. Более того, у меня не пизда, чтобы говорить так в отношении наших с тобой прошлых оральных ласк! – добавила твердо. – Что касается остальных твоих баб, тут я уже сказать ничего не могу, что у них находится между ног: киска, пилотка, пизда или пизденка, как любит выражаться Волчара. Тебе виднее.

На сегодня хватит с меня обсуждения пёзд! Я больше эту тему поднимать не стану. Все, Гош... Давай уже, рули. Или я вызову такси...

* * *

– А ты? – спросил он, когда мы подъезжали к дому.

– Что я?

– Ты завела себе кого-то?

Я рассмеялась.

– Тебе смешно? – посуровел Гоша.

– Смешно, что ты о таком спрашиваешь именно сейчас, когда все пошло наперекосяк. А надо было раньше! – пропела я. – А надо было раньше...

Машина резко тормознула. У подъезда.

Приехали!

Я поспешила выбраться из салона.

– То есть... у тебя хахаль имеется, Манюня! – крикнул мне вслед Гоша и выбрался едва ли не быстрее меня.

Я заспешила к дому. Гоша догнал меня и прижал к двери подъезда.

Его ладони упали на дверь по обе стороны от моего тела. Он толкнул меня своим бедрами.

Черт... Что за мужик?! Эрекция просто каменная!

Декабрин погладил обхватил за подбородок ладонью, медленно начал поглаживать по щеке большим пальцем.

От нехитрой ласки по коже пробежали мурашки.

– Есть у тебя хахаль на стороне? – хрипло поинтересовался он.

– Я помню о твоих словах. Хороший левак укрепляет брак. Думаю, с моей стороны тоже нужно серьезно взяться за укрепление нашего брака!

– За что тебе нужно взяться, так это за мой хер и подержать его хорошенько! – пригрозил муж и поцеловал меня.

Жестко впился в мой рот, раздвинул губы языком бесстыже и принялся целовать.

Жарко. Огненно... Чувственность запылала костром.

Я огрела супруга сковородкой по плечу, но это не помогло!

Декабрин продолжал яро орудовать у меня во рту, целуя страстно.

Я ударила его сковородкой по голове.

Чуть-чуть...

Но он все равно не перестал меня целовать.

Целовался Гоша потрясающе. Его поцелуи всегда одурманивали меня – и тогда, и сейчас.

Не хотелось признаваться, но от его ласки губами и языками в крови заиграл хмель. Уже знакомый жар пополз по груди и животу!

Я еще раз стукнула Гошу сковородкой по затылку – словно по безразличному камню ударила – никакой реакции!

Осталось только одно – ударить сковородкой по стратеги-

чески важному месту, которым думал Декабрин.

Но вот беда... муж прижимался ко мне так, что не разлепить.

Тогда я решила хитростью... победить эту гору сексуального тестостерона и похоти!

Глава 9

Мартина

Я поддалась, расслабилась...

Даже начала целовать мужа в ответ.

Импульсивно и безрассудно. Так целовать гада-изменника точно не стоит! Он и сухого «чмок» в щечку не достоин, а я поигрываю его языком, жадно ласкаю губы, как будто не целовала их целую вечность.

А впрочем...

Никогда не думала, что поймаю себя на этой мысли, но мы, кажется, в последнее время стали меньше целоваться с мужем.

Секс у нас стал тоже не таким частым, но регулярным. Достаточно. По крайней мере я, затраханная заботами, которые сама на себя взвалила, так считала: секса хватает. Боже, иногда руки трясутся и ноги отваливаются, не до секса... Но все же секс бывал!

Пусть даже торопливый, как упрекнул меня Гоша, но был же.

Однако поцелуев – заводных, головокружительных стало гораздо меньше.

В разы... Нет. В десятки раз...

В прошлом я могла час виснуть на Гоше, просто его целуя, сводя с ума, раззадоривая. Целовала умелые губы, скулы, бесстыже-жадные глаза, снова губы... шею...

Это было безумие настоящее, волшебство, которое, казалось, никогда не закончится, а мы – влюбленные – никогда не изменимся.

Думалось, всегда будет жарко. Была уверена, быт не изменит, а серые будни не сотрут остроту ощущений.

Но вот эта трясина и серость по капле выдавила, высосала из наших отношений с мужем огонь.

Внезапно начинаю хотеть открывать его для себя заново. И себя для себя – тоже.

Как наивно было думать, что мы всегда будем прежними. Наша жизнь изменилась, привычки стали другими, в семье подрастает сыночек...

Нет-нет, Гоша не прав. Так, как много лет назад, быть уже не может.

Но вдруг... может быть по-новому?

Не так, как прежде, и не так, как сейчас...

Должно быть нечто, возродившееся, как феникс из пепла.

Или совершенно другое – иное.

Ведь нашел же Декабрин для себя эмоциональную встряску в измене с моей лучшей подругой!

Смогу ли я так же?

Найти себе другого... Пусть до секса не дойдет, но про-

сто пообщаться, пофлиртовать, понять, что нравлюсь мужчинам.

Почему бы и нет?!

Я много лет была примерной женой и старалась держать мир в семье, но сейчас я готова повоевать.

Не за сохранность мира в нашей семье, а за себя.

Декабрин продолжает меня целовать, обнимать, гладить всюду. Даже что-то сказать пытается, но поцелуи мешают.

Мурашки бегут по телу от предвкушения.

Понимала, что заводжусь... Проигрываю...

Но это же ради дела!

Не стыдно проиграть один бой, чтобы выиграть войну!

Однако мои действия привели лишь к тому, что муж сгреб меня, приподнял под попкой и прижал, столкнувшись бедрами с моими.

Его губы начали бродить по моей шее, покусывая, облизывая, пальцы мяти зад и бедра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.